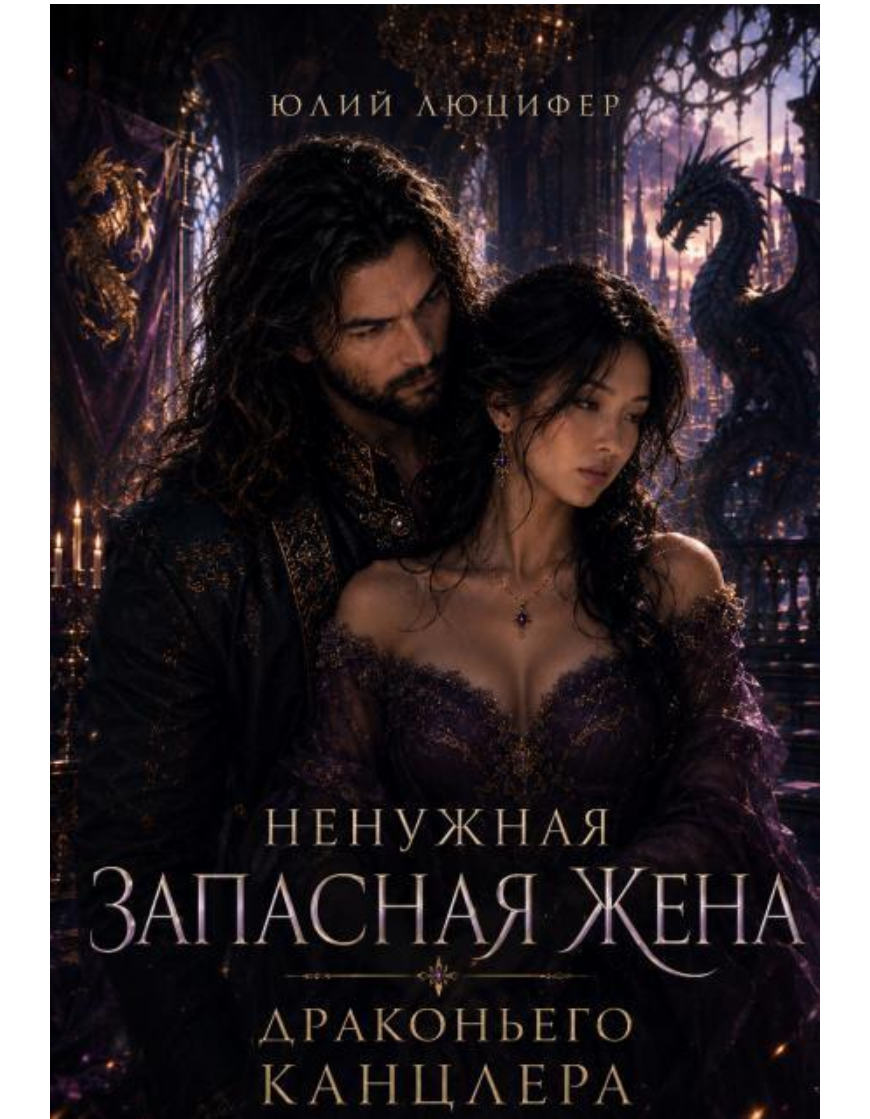

A movie poster for the film 'The Dragon's Concubine'. The central image shows a man with long, dark, wavy hair and a beard, wearing a dark, ornate, high-collared garment. He is looking down at a woman with long, dark, wavy hair. The woman is wearing a dark, off-the-shoulder, lace-trimmed dress and a necklace with a small pendant. They are in a dark, gothic-style interior with large windows in the background showing a cityscape at night. A dragon sculpture is visible on the right side of the background. The title is written in large, stylized Cyrillic letters at the bottom, and the author's name is at the top.

ЮЛИЙ ЛЮЦИФЕР

НЕНУЖНАЯ
ЗАПАСНАЯ ЖЕНА

ДРАКОНЬЕГО
КАНЦЛЕРА

Юлий Люцифер

Ненужная запасная жена драконьего канцлера

<https://litres.ru/74221063>

Аннотация

Меня называли запасной женой драконьего канцлера. При дворе это звучало почти вежливо. Никто не говорил прямо: «Ты здесь вместо другой». Но я видела это в каждом взгляде, в каждом поклоне, в каждом платье, которое мне приносили из сундуков его исчезнувшей невесты. Три года я жила рядом с Эйраном Тальгардом. Лечила его драконью кровь. Гасила боль в родовых печатях. Ночами возвращалась из башни с серыми ожогами на руках и улыбалась утром так, будто ничего не случилось. А потом Виверна Сольвейн вернулась. Красивая. Родовитая. Настоящая. Мне предложили расторгнуть брак, взять содержание и покинуть дворец до рассвета. Канцлер подписал бумаги спокойно. Даже не понял, что в эту минуту теряет не удобную жену. Он теряет мой огонь. В ту ночь я ушла из дворца. А к утру над столицей погасла первая драконья башня.

Содержание

ПРОЛОГ. Платье, сшитое для другой	4
ГЛАВА 1. Запасная жена	15
ГЛАВА 2. Серебряная печать Сольвейн	50
ГЛАВА 3. Настоящая вернулась	83
ГЛАВА 4. Комнаты, которые были не моими	128
Конец ознакомительного фрагмента.	139

ПРОЛОГ. Платье, сшитое для другой

Платье сидело на мне неправильно.
 Не плохо — нет. Портнихи дома Тальгардов работали так, что даже бедность можно было зашить в шелк и заставить выглядеть прилично. Швы лежали ровно, рукава не тянули, ворот открывал шею достаточно скромно, чтобы придворные дамы не поджали губы, и достаточно изящно, чтобы никто не сказал, будто канцлеру привезли деревенскую девочку.
 Но платье все равно было чужим.
 Я поняла это еще утром, когда две молчаливые служанки подняли его передо мной в гостевой комнате. Белое, тяжелое, с жемчугом по лифу и серебряной вышивкой по подолу. Слишком богатое для рода Лиордан. Слишком продуманное для свадьбы, назначенной за девять дней до обряда.
 На внутренней стороне подола остались следы распоротой нитки.
 Я провела пальцем по едва заметным дырочкам в ткани. Там раньше был другой узор. Не наш скромный лист ясеня, знак Лиорданов. И не черный дракон Тальгардов.
 Там был герб Сольвейн.
 Серебряная птица с раскрытыми крыльями.
 Платье шили для Виверны Сольвейн.
 Для настоящей невесты.
 Одна из служанок заметила мой взгляд и тут же опустила глаза.
 — Госпожа, рукав нужно застегнуть, — сказа-

ла она тихо.
 Я убрала руку от подола.
 — Застеги-
вайте.
 Она подошла ближе, и холодные пальцы быстро
пробежали по мелким пуговицам. В комнате пахло лавандо-
вым мылом, нагретым утюгом шелком и чужими цветами.
Не моими. На столике у зеркала стояла высокая ваза с бе-
лыми лилиями. Наверное, их тоже заказывали для другой
женщины.
 Я смотрела на свое отражение и не узнавала
себя.
 Сэйра Лиордан, младшая дочь бедного погранич-
ного рода, стояла перед зеркалом в платье, которое долж-
но было сделать ее женой самого опасного человека импе-
рии.
 Эйран Тальгард.
 Дракониий канцлер Астергар-
да.
 Хранитель семи башенных печатей.
 Второй че-
ловек после государя.
 Мужчина, которому я была нуж-
на только потому, что первая невеста исчезла перед брачным
обрядом, а древняя печать его рода требовала женской кро-
ви с даром.
 Моей крови.
 Моего дара.
 Об этом
при мне не говорили прямо. Взрослые вообще редко гово-
рят прямо, когда продают чью-то жизнь. Отец называл это
спасением рода. Лисса плакала и обнимала меня так крепко,
будто прощалась навсегда, но в ее слезах было облегчение.
Не ей предстояло стать женой дракона, который уже выбрал
другую.
 Мне.
 Потому что я младшая.
 Потому
что мой дар тихий, некрасивый, небоевой.
 Потому что
от меня всегда ждали, что я потерплю.
 В дверь постуचा-
ли.
 Служанки сразу выпрямились.
 — Войдите, —
сказала я.
 На пороге появился управляющий дома Таль-

гардов. Сухой, безупречно одетый мужчина с лицом, которое, наверное, не менялось даже во время пожара.
 — Госпожа Лиордан, обряд начнется через четверть часа. Вас проводят в храмовую залу.
 Госпожа Лиордан.
 Пока еще Лиордан.
 Я кивнула.
 — Благодарю.
 Он посмотрел на меня чуть дольше положенного. Не с жалостью. Жалость при дворе прятали лучше драгоценностей. Скорее с оценкой: достаточно ли я спокойна, не расплачусь ли на лестнице, не испорчу ли тщательно выстроенный день.
 Я не испортила.
 Когда мы вышли из гостевой комнаты, коридор показался бесконечным. Черный камень стен был прожилками расчерчен золотом, на высоких окнах дрожали отсветы башенных огней. Дом Тальгардов не был похож на дом. Это была крепость, дворец, архив власти и клетка одновременно.
 По обе стороны коридора стояли слуги. Они склоняли головы, когда я проходила мимо. Ни одного лишнего движения. Ни одного шепота.
 Шепот начался дальше.
 У входа в храмовую залу собрались гости. Драконьи роды, советники, послы, придворные дамы в тяжелых украшениях. Я шла между ними и чувствовала, как взгляды касаются платья, лица, рук.
 Она ниже, чем Виверна.
 Темнее.
 Моложе.
 Слишком тихая.
 Подходит ли ее кровь?
 А если печать не примет?
 Никто не произнес этого вслух. Но я уже умела слышать то, что люди оставляли между словами.
 Отец ждал у двери. Северин Лиордан выглядел старше, чем неделю назад. Или мне хоте-

лось так думать, чтобы его решение казалось не расчетом, а тяжелой жертвой.
 — Сэйра, — сказал он и взял меня за руку.
 Его ладонь была влажной.
 — Отец.
 Он хотел что-то сказать. Я видела, как дернулась его нижняя губа, как взгляд упал на мое платье и тут же ушел в сторону. Может, он хотел попросить прощения. Может, напомнить, что я должна держаться достойно. Может, сказать, что у нас не было выбора.
 Но выбор был.
 Просто его сделали не в мою пользу.
 — Ты спасешь наш дом, — произнес он наконец.
 Вот и все.
 Не “будь счастлива”.
 Не “я рядом”.
 Не “прости”.
 Ты спасешь наш дом.
 Я вынула руку из его ладони осторожно, чтобы это не выглядело оскорблением.
 — Я помню.
 Двери храмовой залы открылись.
 Внутри горело семь чаш с драконьим пламенем. Они стояли полукругом вокруг черного алтарного камня, и каждая чаша отвечала одной башне Лирассена. Огонь в них был разным: золотой, багряный, белый, синий, янтарный, зеленоватый и почти черный. Он не шумел и не метался. Просто горел ровно, будто за ним следили сотни лет и не позволяли даже искре упасть не туда.
 В центре залы стоял Эйран Тальгард.
 Я видела его раньше только издали: на императорском празднике, куда род Лиорданов пригласили из вежливости, а посадили так далеко от главных столов, что лица важных людей были похожи на светлые пятна.
 Сейчас он был совсем близко.
 Высокий. Широкоплечий. В черном церемониальном камзоле с золо-

той вышивкой, не яркой, а глубокой, будто металл вплавили в ткань. Темно-русые волосы были убраны назад, но одна прядь все равно упала к виску. Серо-золотые глаза смотрели спокойно.

Слишком спокойно для мужчины, который сегодня женился.

На мне.

В его лице не было жестокости. Это почему-то оказалось хуже. Жестокость хотя бы дала бы мне право ненавидеть сразу. А он выглядел человеком, который просто исполнял необходимое. Неприятное, возможно. Тяжелое. Но необходимое.

Я заняла место напротив него.

Между нами лежал брачный браслет Тальгардов: тонкий обруч из темного золота с внутренней резьбой. Снаружи — гладкий, дорогой, красивый. Внутри — крошечные зубцы печати. Я заметила их случайно, когда верховная хранительница Агата Шаэль подняла браслет на ладони.

Она была сухой женщиной с острым лицом и внимательными глазами. Не придворная. Не украшение зала. В ее движениях не было ни страха перед драконами, ни желания им нравиться.

— Сэйра Лиордан, — произнесла она. — Вы вступаете в брачный договор с Эйраном Тальгардом добровольно?

Слово “добровольно” повисло в зале так тонко, что его хотелось не слышать.

Я могла сказать “нет”.

Теоретически.

А потом отец потерял бы остатки земель. Лиорданов выгнали бы из пограничного совета. Слуги в нашем доме остались бы без платы. Лиссу выдали бы куда хуже, чтобы закрыть долги. А меня все равно заставили бы подписать другой документ, только

уже без белого платья и красивой музыки.
 Добровольность иногда отличается от принуждения только тем, что тебе дают выбрать, какой рукой подписывать.
 — Да, — сказала я.
 Голос не дрогнул.
 Агата посмотрела на меня чуть внимательнее. На миг мне показалось, что она поняла все. Но она ничего не сказала.
 — Эйран Тальгард, вы вступаете в брачный договор с Сэйрой Лиордан добровольно?
 — Да.
 Его голос оказался низким, ровным, без усилия заполнившим залу. Не громкий. Но все слышали.
 Я тоже.
 Внутри что-то сжалось. Не от любви, конечно. От ясного понимания: этот мужчина привык, что каждое его слово становится решением для других.
 А теперь одним словом он сделал меня своей женой.
 Агата взяла тонкий нож для обряда. Серебряное лезвие блеснуло в огне. Сначала Эйран протянул руку. На его ладони разрез показался красным только мгновение; потом кровь вспыхнула золотым жаром.
 Драконья кровь.
 Я слышала о ней с детства. Нам говорили, что в крови древних родов горит огонь первых крылатых. Что их сила — защита империи. Что их боль — цена нашего мира.
 Никто не говорил, как страшно она пахнет вблизи.
 Железом, дымом и чем-то горьким, больным.
 Когда нож коснулся моей ладони, я почти не почувствовала пореза. Моя кровь выступила темной каплей. Обычной. Человеческой.
 Агата соединила наши руки.
 Кожа Эйрана была горячее.
 Нет, не просто горячее. Под ней будто жил закрытый пожар.

Я успела подумать, что если его ладонь сожмется сильнее, у меня останется ожог.
Потом брачная печать сомкнулась.
И мир на мгновение стал другим.
Я не услышала голосов. Не увидела пророческих картин. Никакие стены не заговорили, и огонь в чашах не сложился в таинственный знак.
Просто боль.
Чужая боль вошла в меня через ладонь так резко, что я едва не согнулась.
Она была черной, густой, застарелой. Не рана на теле, не свежий ожог. Скорее болезнь, которую годами прятали под золотом, приказами и железной выдержкой. Она сидела в крови Эйрана глубоко, цеплялась за кости, сжимала сердце его драконьей силы. Я почувствовала, как эта порча дернулась к моей крови, будто нашла трещину, через которую можно выбраться.
Эйран не изменился в лице.
Только пальцы на моей руке сжались.
Сильно.
Так сильно, что зубцы браслета впились мне в кожу.
Я подняла глаза.
Он смотрел на меня уже не спокойно. В его взгляде на одно короткое мгновение мелькнуло недоумение. Не страх — такие мужчины редко позволяют себе страх. Скорее злость на собственную слабость.
Приступ.
У него начинался приступ прямо во время обряда.
Никто этого не видел. В зале стояли люди, которые знали о драконьей крови больше меня, и все равно никто не заметил. Потому что Эйран Тальгارد умел стоять прямо, даже когда внутри у него ломались кости.
А я почувствовала.
Пепельное пламя поднялось во мне тихо.
Оно всегда было таким. Не

яркое, не красивое. Не как огонь в башнях, не как драконье пламя в крови Тальгардов. Мой дар приходил почти без света. Теплом под ребрами, сухим вкусом пепла на языке, серым следом на коже после.

Я не знала, что нужно делать.

Никто не учил меня спасать драконьего канцлера во время собственной свадьбы.

Но боль в его крови рвалась наружу, и если она выйдет, зал увидит слабость. Совет увидит. Род Сольвейн увидит. Государь, который сидел в первом ряду с лицом человека, заранее подсчитавшего все последствия, тоже увидит.

И почему-то именно я не позволила этому случиться.

Я вдохнула.

Медленно.

Так, как мать учила меня в детстве, когда я лечила первого раненого пса и плакала от того, что его боль отзывалась в моих ладонях.

Не бери все. Найди край. Удержи край.

Я нашла край черной порчи в крови Эйрана.

И удержала.

Браслет на наших руках нагрелся. Зубцы впились глубже. Под рукавом по запястью поползла первая линия ожога — сухая, серая, тонкая, как трещина на пепле.

Эйран резко вдохнул.

Совсем тихо. Настолько тихо, что в зале это мог услышать только человек, стоявший рядом.

Я услышала.

Его взгляд снова встретился с моим.

Теперь в нем было не только недоумение.

Вопрос.

Я не ответила. Не смогла бы, даже если бы хотела. Все силы ушли на то, чтобы стоять прямо и не показать, как боль его крови оставляет след уже во мне.

Агата опустила браслет на мою руку.

Темное золото сомкну-

лось на запястье.
 — Связь принята, — сказала она. — Дом Тальгард признает Сэйру Лиордан супругой драконьего канцлера.
 В зале раздались поклоны, шелест тканей, негромкие поздравления.
 Все было красиво.
 Правильно.
 Законно.
 Эйран отпустил мою руку.
 На его ладони не осталось ни следа слабости. Разрез уже затянулся, кожа стала чистой. Он снова был собой: канцлером, драконом, человеком, который не падает перед советом.
 Я спрятала свою ладонь в складках платья.
 Под рукавом горело.
 Эйран наклонился ко мне ровно настолько, насколько требовал этикет.
 — Госпожа Тальгард, — произнес он.
 Вот и все.
 Не “вам больно?”
 Не “что сейчас произошло?”
 Не “благодарю”.
 Только новый титул.
 Госпожа Тальгард.
 Я посмотрела на него и поняла простую вещь: он не заметил.
 Не заметил, что в миг, когда я стала его женой, я уже начала платить за его жизнь.
 Поздравления длились долго. Ко мне подходили люди, чьи имена я знала только по придворным спискам. Целовали воздух возле моей щеки. Желали мудрости, терпения, достойного служения дому Тальгардов.
 Счастья почти никто не желал.
 Словно оно было неуместным в этом браке.
 Виверну Сольвейн не называли. Ни разу. И от этого ее имя стояло в зале плотнее любого портрета.
 Позже, когда меня повели к покоям, я снова прошла мимо чаш с драконьим пламенем. Одна из них дрогнула. Черная. Центральная.
 Агата Шаэль задержалась ря-

дом со мной.
 — Если боль поднимется выше локтя, пришлите за мной, — сказала она негромко.
 Я остановилась.
 — Вы знали?
 Она посмотрела не на мое лицо, а на рукав, под которым прятался ожог.
 — Я знала, что печать может взять больше, чем обещали в договоре.
 — И вы все равно провели обряд.
 В ее лице ничего не изменилось, но глаза стали тяжелее.
 — Иногда обряд не остановить в тот момент, когда все уже подписано.
 Я хотела спросить, кто подписал. Отец? Эйран? Совет? Все вместе?
 Но за нами шли слуги. Впереди ждал новый коридор, новые комнаты, новая фамилия. И я промолчала.
 В ту ночь я сидела на краю огромной кровати в покоях, где пахло чужими духами и свежими лилиями.
 Эйран не пришел.
 Наверное, так было даже лучше.
 Я расстегнула рукав сама. Пуговицы не слушались, пальцы дрожали. Когда ткань наконец сползла, я увидела серую линию ожога вокруг запястья. Она шла ровно под брачным браслетом, будто тот уже успел врасти в кожу.
 Я провела по ней пальцем.
 Больно.
 Не смертельно.
 Терпимо.
 Это слово я знала лучше многих.
 За окном горели семь башен Лирассена. Красиво, спокойно, величественно. Весь город спал под их защитой.
 Я смотрела на них и думала о том, что где-то далеко, может быть, жива женщина, для которой шили это платье. Женщина, чье место я заняла. Женщина, которую при дворе будут помнить даже в моих комнатах.
 А я?
 Я была Сэйра Лиордан.
 Теперь —

Сэйра Тальгард.
 Жена драконьего канцлера.
 Платье, сшитое для другой, лежало на кресле у окна.
 На белом подоле, там, где распарывали герб Сольвейн, остались крошечные следы старых стежков.
 Я долго смотрела на них, пока не поняла: чужое место не становится твоим только потому, что тебя в него поставили.
 А потом браслет на моей руке снова нагрелся.
 Где-то в глубине дома Тальгардов Эйрану Тальгарду опять стало больно.
 И я, его новая жена, поднялась с кровати.
 Потому что уже тогда знала: если я не удержу его огонь, никто даже не поймет, какой ценой горят эти башни.

ГЛАВА 1. Запасная жена

Я научилась просыпаться раньше боли.

Не сразу. В первые месяцы после свадьбы боль будила меня резко, будто кто-то хватал за запястье изнутри и тянул к северной башне. Я вскакивала с постели, не понимая, где нахожусь, почему брачный браслет жжет кожу и почему за окном ровно горит Лирассен, а у меня во рту вкус холодного пепла.

Теперь все было иначе.

Я открывала глаза за несколько мгновений до того, как печать начинала дрожать.

Так было и в то утро.

В комнате стояла предрассветная синева. Каменные стены еще держали ночной холод, камин давно погас, тяжелые шторы у высокого окна не двигались. Дворец спал. Или делал вид, что спит. Дом Тальгардов умел притворяться даже ночью.

Я лежала на спине, глядя в темный потолок, и считала удары сердца.

Один.

Второй.

Третий.

Браслет на запястье нагрелся.

Я медленно выдохнула и села.

Рукав ночной рубашки сполз, открывая серые следы на коже. Старые ожоги уже не болели, только тянули в сырую погоду и после долгих приемов, когда приходилось улыбаться так долго, что лицо немело. Новая линия проступала под браслетом тонкой пепельной полосой.

Северная башня.

Опять северная.

Я встала, стараясь не шуметь. На кресле у ширмы с вечера лежало темное платье без украшений. Я сама выбирала такие для ночных выходов: плотная ткань, узкие рукава, высокий ворот. Если кто-то из слуг случайно встречал меня в коридоре, никто не видел следов на руках.

Слуги все равно знали.

В доме, где стирали простыни после драконьих приступов и выносили из башен воду с черным осадком, скрыть можно было только от тех, кому было удобно не смотреть.

Я застегнула платье, собрала волосы в низкий узел и взяла с прикроватного столика маленькую серебряную чашу. На дне лежал серый порошок — пепел священного ясеня, смешанный с солью из храмовых подземелий. Агата Шаэль однажды сказала мне, что без него мое пламя будет брать слишком много.

— А с ним? — спросила я тогда.

Она посмотрела на мои руки.

— С ним ты продержишься дольше.

Не “тебе будет легче”.

Дольше.

В коридоре было тихо. Каменные плиты под ногами холодили даже через мягкие туфли. На стенах горели узкие лампы с драконьим маслом. Их свет не дрожал, но я все равно видела, где защита дома истончилась: у третьей арки с левой стороны золотая прожилка в камне потемнела; возле окна под потолком проступила едва заметная трещина; у ниши с доспехами воздух был суше, чем должен.

Дом Тальгардов старел не как обычные дома.

Обычные дома давали трещины от времени, ветра и плохой кладки. Этот — от чужих клятв, плохо закрытых договоров и крови, которую слишком долго называли долгом.

У лестницы меня ждала Марта Рэнн.

Она была в простом сером платье, с туго убранными волосами и подсвечником в руке. Старшая горничная не удивилась, увидев меня. За три года она ни разу не спросила, куда я хожу до рассвета.

— Госпожа, — сказала она тихо. — В башне снова открыли верхнее окно. Ветер тянет с реки.

— Кто открыл?

— Один из младших хранителей. Сказал, что так велел мастер печатей.

Я остановилась.

— Какой мастер?

Марта чуть поджала губы.

— Новый. Из людей лорда Драммонта.

Вот как.

Орис Драммонт любил делать все законно. Если нужно было ослабить печать, он не ломал ее молотом. Он назначал нового хранителя, открывал окно, менял порядок обхода, ставил подпись в нужной графе. А потом, если что-то шло не так, разводил руками: несчастный случай, усталость, старые стены, женская тревожность.

— Спасибо, Марта.

Она протянула мне тонкие шерстяные перчатки.

— Там холодно.

Я взяла их. Перчатки были старые, мягкие, штопанные на большом пальце. Мои собственные. Марта каждую неделю забирала их “для чистки” и возвращала так, будто ничего не видела. Только ткань всегда становилась плотнее там, где ожоги могли проступить.

— Вы не обязаны стоять здесь до рассвета, — сказала я.

— А вы не обязаны ходить туда одна.

Мы обе знали, что это неправда.

Я натянула перчатки.

— Если канцлер проснется, скажите, что я в малой мо-
дельне.

Марта посмотрела на меня без улыбки.

— Он не проснется, госпожа.

От этих слов почему-то стало больше, чем от браслета.

Эйран Тальгард не проснется, когда его родовая печать снова потянет из моей крови пепельное пламя. Он не

проснется, потому что три года я делала так, чтобы он мог спать.

Я пошла дальше.

Северная башня стояла над старой частью дворца, где редко появлялись гости. Там не было ярких ковров, портретов в золоченых рамах и ваз с лилиями. Только черный камень, узкие окна, железные кольца на стенах и семь ступеней перед дверью печати.

Дверь была открыта.

Я остановилась на пороге.

Вот это уже плохо.

Внутри пахло морозом и горьким дымом. Верхнее окно действительно распахнули. Холодный ветер с реки гонял по полу пепел из чаш, и защитные круги на камне были частично стерты.

Не случайность.

Я вошла, поставила серебряную чашу на низкий столик и закрыла окно. Рама поддалась не сразу, лед намерз по краям. Когда створка наконец захлопнулась, в башне стало тише.

В центре круглой комнаты находилась печать Тальгардов: черный каменный круг с золотой жилой внутри. Жила шла спиралью, как свернувшийся дракон. Обычно она светилась ровно. Сейчас на северном изгибе проступила темная трещина, тонкая, но живая. Из нее тянулся дымок.

Я опустилась на колени.

Пальцы уже знали, что делать. Посыпать пепел по краю.

Не слишком много, иначе пламя глухо закроется. Провести ладонью над трещиной, не касаясь сразу. Дать боли подняться. Не втянуть всю, только край. Удержать.

Я сняла правую перчатку.

Серая кожа на запястье выглядела почти чужой.

— Не сегодня, — сказала я негромко.

Не печати. Не камню. Себе.

Потом коснулась пальцами золотой жилы.

Боль вошла привычно.

Сначала горячая игла в ладони. Потом тяжесть в плече. Потом сухой ком под ребрами, будто вдохнула пепел и он осел внутри. Я зажмурилась, но руку не убрала.

Пепельное пламя поднялось медленно. Оно не сияло, не вспыхивало красиво. Под моей кожей просто стало теплее, и серый свет тонкой нитью лег на трещину в печати.

Трещина сопротивлялась.

Не умом, не голосом, не волей. Никакой сказочной злобы в камне не было. Просто родовая порча Тальгардов снова искала слабое место, а брачная печать, вплетенная в мою кровь, тянула из меня силу, чтобы закрыть разрыв. Все было устроено слишком точно. Слишком удобно для тех, кто не платил.

Я удержала край.

Раз.

Еще.

Дым стал гуще, потом тоньше.

На ладони проступила новая серая линия.

Я дышала через зубы и считала, как учила мать: до семи на вдохе, до семи на выдохе, не позволять чужой боли стать своей полностью.

Но сегодня боль была глубже.

Кто-то действительно тронул печать. Открыл окно не просто так. Стер часть круга. Ослабил северный изгиб. Это было похоже на маленькую проверку: сколько я выдержу, когда никто не смотрит?

Я не знала, кто именно проверяет.

Драммонт?

Кто-то из Сольвейнов?

Или сам Высший круг, которому давно не нравилось, что тихий дар Лиорданов держит одну из семи башен лучше, чем их мастера с громкими титулами?

К концу обряда у меня дрожали пальцы.

Я высыпала в чашу остаток пепла и провела ладонью над печатью в последний раз. Золотая жила выровнялась. Трещина исчезла. В башне стало теплее, будто дом снова вспомнил, как держать собственные стены.

Я поднялась не сразу.

Сначала села на пятки и позволила себе одну минуту слабости. Одну. Не больше.

Голова кружилась. На языке оставался горький вкус. Под платьем, там, где пламя проходило через грудь к руке, кожа горела сухо и глубоко.

Когда я вышла из башни, за окнами уже начинало свет-
леть.

Марта ждала у лестницы. На этот раз с маленькой флягой.

— Выпейте.

— Это приказ?

— Почти.

Я взяла флягу и сделала глоток. Теплая вода с медом и со-
лью. После таких утренних обрядов она помогала не упасть
в коридоре и не дать повод придворным дамам сказать, что
жена канцлера слишком бледна для своего положения.

— Кто-нибудь спрашивал обо мне? — спросила я.

— Нет.

Конечно.

Я вернула флягу.

— Подготовьте, пожалуйста, синее платье к совету. То,
что без открытых рукавов.

Марта чуть задержала взгляд на моей руке.

— Я поняла.

К своим покоем я вернулась через служебный коридор,
чтобы не встретить первых придворных. Но у двери уже сто-
ял паж в темно-золотой ливрее дома Тальгардов.

Мальчик поклонился так низко, будто боялся смотреть
мне в лицо.

— Госпожа канцлерина, его светлость просил передать,
что заседание Высшего круга перенесено на девятый час. До-
кументы по северным поставкам должны быть у него в каби-

нете через полчаса.

Я посмотрела на него.

— Его светлость проснулся?

— Да, госпожа.

— Он спрашивал, где я?

Паж замялся.

— Нет, госпожа.

Я кивнула.

— Документы будут.

В комнате меня ждали лилии.

Свежие, белые, тяжелые от запаха. Их меняли каждое утро, несмотря на то что я давно просила заменить их на розмарин или сухую лаванду. Лилии были цветами дома Сольвейн, но управляющий однажды объяснил мне, что в брачных покоях Тальгардов их ставили “по традиции”.

Традиция началась до меня.

Как многое в этих комнатах.

Я подошла к письменному столу. Там аккуратной стопкой лежали бумаги, которые я подготовила ночью до того, как проснулась от печати: поставки зерна в северные гарнизоны, отчет по ремонту восточного моста, список семей, которым задержали выплаты после зимних пожаров, и отдельная папка по башенным расходам.

Я открыла последнюю.

Три счета были лишними.

Не крупные суммы. Достаточно мелкие, чтобы канцлер не

стал тратить на них утро. Достаточно аккуратные, чтобы бухгалтерия провела их без вопросов. Покупка черного масла для ламп, замена серебряных чаш, оплата работы нового мастера печатей.

Нового мастера Драммонта.

Я провела пальцем по подписи внизу.

О. Драммонт.

Нет, не сам Орис. Его канцелярский знак. Одинаковый на сотнях документов. Но рядом стояла вторая отметка — маленькая точка внутри круга. Архивный допуск.

Зачем мастеру печатей архивный допуск к северной башне?

Я вложила счет в отдельную папку.

В дверь постучали.

— Войдите.

Портниха внесла синее платье, за ней — две служанки с водой, полотенцами и коробкой украшений. День начинался, как полагалось: умыться, скрыть следы усталости, убрать волосы, надеть платье, которое скажет двору правильную ложь.

Сегодня ложь была простой: госпожа Тальгард здорова, спокойна и занимает свое место.

Пока служанки застегивали платье, я смотрела в зеркало.

Светло-карие глаза казались темнее от недосыпа. Губы почти бесцветные. На скуле осталась красная полоска — наверное, прижала лицо к подушке, когда спала. Волосы держались плохо, пряди выбивались у висков. Не портретная кра-

савица. Не Виверна Сольвейн, чью белокурую прелесть при дворе вспоминали так, будто речь шла не о женщине, а о потерянной святыне.

Но я стояла прямо.

Это тоже было умение.

— Рукав плотнее, — сказала я.

Служанка осторожно поправила ткань на правом запястье.

Я выбрала только серьги с темным янтарем. Браслет Тальгардов и так был украшением, которое невозможно снять.

Кабинет Эйрана находился в южном крыле. Туда вели широкие коридоры, где уже ходили советники, писцы, посыльные, офицеры. Все кланялись мне. Кто-то уважительно. Кто-то достаточно низко для приличия. Кто-то так, будто кланялся не мне, а фамилии на моем браслете.

У дверей кабинета стояли двое стражей. Один из них открыл передо мной створку.

Эйран был за столом.

Не в кресле, а стоя, склонившись над большой картой Лирассена. Слева от него лежали отчеты, справа — черная чашка с кофе, к которому он почти не притронулся. Он был уже одет для совета: темный камзол, золотая застежка у горла, волосы убраны назад. Ни тени утренней слабости. Ни следа того, что северная печать едва не треснула до основания.

Иногда я думала, что если бы он истекал кровью, то все равно сначала подписал бы три указа.

— Госпожа Тальгард, — сказал он, не поднимая головы.
Так он обращался ко мне при людях.

Но в кабинете никого не было.

— Ваши документы, — я положила папки на край стола.
Он взял верхнюю, быстро просмотрел.

— Северные поставки?

— Первая папка.

— Выплаты семьям?

— Вторая. Я отметила красным те, где задержка больше двух месяцев. Если вынести решение сегодня, деньги уйдут до конца недели.

Он наконец поднял взгляд.

— Вы проверили это сами?

— Да.

— Это не входило в список срочных дел.

— Для семей, которые живут в сгоревших домах, входит.

Несколько секунд он смотрел на меня молча. Потом кивнул, будто принял довод, но не собирался обсуждать его дальше.

— Хорошо. Я подпишу после совета.

Я раскрыла третью папку.

— Еще есть вопрос по расходам северной башни.

При этих словах его лицо чуть изменилось. Совсем немного. Если бы я не знала его три года, не заметила бы.

— Что с ними?

— Новый мастер печатей запросил черное масло, сереб-

ряные чаши и архивный допуск.

— Архивный?

— Да.

Я положила перед ним счет.

Эйран взял бумагу. Прочитал. Поставил чашку на стол, так и не сделав глотка.

— Это знак канцелярии Драммонта.

— Поэтому я принесла вам до совета.

— Вы подозреваете ошибку?

Я удержала паузу.

— После того, как сегодня ночью северная печать едва не раскрылась, я подозреваю не ошибку.

Он посмотрел на мою руку.

Не на лицо. На правый рукав.

Я не знала, заметил ли он, что ткань плотнее обычной. Наверное, заметил. Эйран Тальгард замечал трещины в политических союзах за полгода до того, как они становились явными. Просто к моим трещинам он не привык присматриваться.

— Вы были в башне? — спросил он.

— Да.

— Одна?

— Как обычно.

В его взгляде мелькнуло раздражение.

— Вы должны были послать за мастером.

Я едва не рассмеялась.

Не весело. Просто от усталости.

— Тем самым, который оставил окно открытым и стер часть защитного круга?

Он замолчал.

Это было почти победой.

Потом сказал:

— Такие обвинения требуют доказательств.

— Поэтому я принесла счета.

— Счета доказывают расходы, не умысел.

— Тогда прикажите проверить мастера.

— Прикажу.

Он отложил бумагу.

Не в стопку срочных.

В сторону.

Я увидела это и поняла: проверит, но не сейчас. Не до совета. Не до выступления Драммонта. Не до того, как будет удобно.

Власть всегда двигалась по расписанию.

Печати — нет.

— Ваше светлость, северная башня не дождется, пока Драммонт перестанет быть полезным на сегодняшнем заседании.

Эйран поднял глаза.

Тишина в кабинете стала плотнее.

— Осторожнее, Сэйра.

Имя.

Он редко называл меня по имени. Обычно только когда был раздражен или когда приступ после обряда оставлял его без сил.

— Я осторожна уже три года.

Это вырвалось само.

Не громко. Не дерзко. Но слишком честно для утра перед советом.

Он смотрел на меня так, будто впервые за день увидел не документы, не рукав, не жену на положенном месте, а человека, который стоит перед ним после ночи в башне и все еще держится.

— Вы устали, — сказал он.

И вот это было почти хуже, чем если бы он рассердился.

Ты устала.

Не “тебе больно”.

Не “что произошло”.

Не “покажи руку”.

Устала. Значит, можешь ошибаться. Можешь преувеличивать. Можешь говорить слишком резко.

Я собрала бумаги, которые не нужны были ему прямо сейчас.

— Да, ваше светлость. Я устала. Но цифры в счете от этого не меняются.

Он ничего не ответил.

Я поклонилась и вышла.

В коридоре было уже шумно. День набирал силу. Где-

то внизу звенела посуда, во внутреннем дворе командовали стражей, писцы торопились к залу Высшего круга. Дом Тальгардов выглядел безупречно.

Только я знала, что северная башня держится на свежем ожоге под моим рукавом.

К девятому часу зал Высшего круга был полон.

Я стояла справа от кресла Эйрана, как полагалось жене канцлера. Не рядом с ним за столом. Не среди советников. Чуть позади и сбоку. Достаточно близко, чтобы все видели: дом Тальгардов представлен супружеской четой. Достаточно далеко, чтобы никто не перепутал мое место с настоящей властью.

Зал был круглым, с высоким куполом, расписанным семью башнями Лирассена. Под куполом висела тяжелая люстра из черного хрусталя. В ее гранях отражались лица советников: старые, молодые, человеческие, драконьи, холодные, скучающие, внимательные.

Орис Драммонт сидел напротив нас.

Сухой, высокий, в темно-сером одеянии хранителя архивов. Его руки лежали на столе спокойно, пальцы тонкие, ухоженные. На среднем пальце — перстень с печатью имперских архивов. Он никогда не казался опасным, если смотреть издали. Просто вежливый человек с усталым лицом.

Вблизи рядом с ним хотелось проверять каждое слово в договоре.

— Вопрос северных поставок, — объявил секретарь.

Заседание началось.

Я слушала, как мужчины и женщины, никогда не стоявшие у сгоревших домов, обсуждают, сколько зерна достаточно для гарнизона, а сколько будет “излишней щедростью”. Эйран говорил мало, но каждый раз точно. Он умел заставить зал двигаться туда, куда нужно, не повышая голоса.

Это всегда производило впечатление.

И всегда злило меня.

Потому что мужчина, способный держать в голове весь Астергард, три года не мог запомнить, что я не люблю лилии.

Когда очередь дошла до башенных расходов, Драммонт поднялся.

— Высокий круг, с позволения канцлера, — произнес он мягко, — канцелярия архивов завершила первичную проверку состояния северной башни. Полагаю необходимым отметить: некоторые нестабильности возникли из-за... устаревшей системы доступа к родовой печати.

Я чуть повернула голову.

Эйран смотрел на Драммонта без выражения.

— Уточните, лорд Драммонт.

— Разумеется. — Драммонт слегка склонил голову. — На протяжении трех лет часть стабилизации осуществлялась через брачную связь дома Тальгард с родом Лиордан. Решение было оправданным после исчезновения госпожи Сольвейн. Но временные меры не должны становиться постоянной основой безопасности столицы.

В зале стало тише.

Вот оно.

Слово “временные” не ударило. Нет. Оно вошло аккуратно, как тонкая игла под ноготь.

Я стояла неподвижно.

Драммонт продолжал:

— Мы все с уважением относимся к госпоже канцлерине. Ее выдержка и преданность дому Тальгард достойны признания. Однако слабый женский дар пограничного рода не может бесконечно удерживать нагрузку, предназначенную для полного брачного союза равных по силе домов.

Слабый женский дар.

Я почувствовала, как Марта, стоявшая у дальней стены среди старших слуг, подняла голову.

Эйран не перебил.

Он сидел прямо, пальцы лежали на подлокотнике кресла. Лицо спокойное. Слишком спокойное.

Драммонт повернулся к нему.

— Ваше светлость, речь не о личном. Речь о безопасности Лирассена. Союз с Лиорданами был благородным решением в чрезвычайных обстоятельствах. Но, возможно, пришло время признать, что его польза исчерпывается.

Польза.

Я смотрела на середину стола, на темную полировку дерева, и думала о том, что на правой руке под рукавом у меня еще не высохла свежая серая линия.

Польза исчерпывается.

Если бы я была другой женщиной, я, наверное, заплакала бы. Или выбежала. Или сказала что-то острое, что потом весь двор повторял бы с удовольствием: запасная жена сорвалась на совете.

Но я была Сэйра Лиордан.

Меня слишком хорошо учили терпеть.

Эйран наконец заговорил:

— Ваши предложения, лорд Драммонт?

Не “вы ошибаетесь”.

Не “осторожнее в выражениях”.

Не “моя жена не временная мера”.

Ваши предложения.

Я медленно сжала пальцы левой руки, чтобы не сжать правую. Браслет и так грелся.

Драммонт ответил не сразу. Он умел делать паузы такими, что люди сами додумывали нужное.

— Проверка печатей. Обновление состава мастеров. И закрытое обсуждение брачного статуса дома Тальгард, если текущая система стабилизации продолжит слабеть.

Вот так.

Не развод. Еще нет.

Только закрытое обсуждение.

Только если продолжит слабеть.

Только ради города.

Ножи при дворе редко доставали из ножен. Здесь предпо-

читали бумагу.

Я почувствовала взгляд Эйрана.

Не повернулась.

Если он хотел увидеть, как я принимаю это, пусть смотрит на прямую спину. На ровные плечи. На жену, которая стояла рядом и знала свое место так хорошо, что никто не заметил, как это место с каждым годом становилось уже.

Заседание продолжалось.

Обсуждали мосты, пошлины, северных купцов, жалобы ремесленников. Я отвечала, когда ко мне обращались по хозяйственным вопросам дома. В нужных местах подавала Эйрану документы. Отмечала в памяти, кто поддержал Драмонта молчанием, кто опустил глаза, кто позволил себе маленькую довольную улыбку.

К концу второго часа я знала: разговор о браке уже начался.

Просто меня пока не пригласили в него как человека.

После совета ко мне подошла леди Аурика Сольвейн, тетка Виверны. Полная женщина в фиолетовом шелке, с жемчугом в волосах и лицом, которое могло казаться добрым, если не слушать слова.

— Дорогая Сэйра, вы сегодня держались с большим достоинством.

— Благодарю, леди Аурика.

Она коснулась моего локтя кончиками пальцев.

— Не каждая женщина способна так спокойно принимать

перемены. Это редкое качество.

Перемены.

— Какие перемены вы имеете в виду?

Ее улыбка стала мягче.

— О, дитя, двор всегда меняется. Главное — не цепляться за то, что было дано нам на время.

Я посмотрела на ее пальцы на своем рукаве.

Она убрала руку.

— Разумеется, дом Сольвейн всегда будет благодарен вам за то, что вы поддержали канцлера в трудные годы.

Поддержала.

Не спасала. Не лечила. Не горела.

Поддержала.

— Ваша благодарность очень щедра, — сказала я.

Леди Аурика не сразу поняла, была ли это насмешка. Потом решила, что не стоит проверять, и отошла к своим.

У выхода меня догнал Тавин Тальгард.

Он был младше Эйрана, но похожесть между ними угадывалась в линии скул и серо-золотом взгляде. Только Тавин был живее. В нем не было этой неподвижной канцлерской собранности. Он двигался резко, говорил прямо и часто выглядел так, будто придворный воздух ему мешает дышать.

— Сэйра.

Я остановилась.

— Лорд Тальгард.

Он поморщился.

— Не начинай. Когда ты называешь меня лордом Тальгардом, мне хочется проверить, не умер ли я и не оказался ли на семейном портрете.

Я почти улыбнулась.

Почти.

— Что-то случилось?

Веселье ушло с его лица.

— То, что сказал Драммонт...

— Было сказано не случайно.

— Да.

Он оглянулся. В коридоре было достаточно людей, чтобы любое слово стало слухом к вечеру.

— Эйран не должен был позволять ему говорить так.

Я посмотрела на него внимательно.

— Но позволил.

Тавин сжал челюсть.

— Он думает о башнях.

— Все думают о башнях.

— Я не оправдываю его.

— Нет, — сказала я. — Вы просто объясняете.

Он принял это без обиды. Может, потому что заслужил.

— Сегодня ночью северная печать снова дернулась? — спросил он тише.

— Откуда вы знаете?

— Я видел след на куполе. У меня в крыле двое драконов проснулись от жара в крови.

Вот это Эйрану нужно было сказать сразу. Но в кабинете он говорил о доказательствах.

— Она закрыта, — ответила я.

Тавин посмотрел на мой рукав.

Слишком многие сегодня смотрели на мой рукав.

— Ты закрыла ее сама?

— А кто еще?

Он выругался вполголоса. Не громко, но искренне.

— Он знает?

— Канцлер знает, что я была в башне.

— Я спросил не это.

Я устала.

Слишком устала для честности, но и для лжи тоже.

— Нет, Тавин. Думаю, не знает.

Он отвел взгляд.

— Сэйра...

— Не надо.

— Я просто...

— Если вы хотите сказать, что вам жаль, скажите это Марте. Ей хотя бы будет приятно, что в этом доме кто-то заметил очевидное.

Я пошла дальше, но он тихо произнес:

— Ты не запасная.

Я остановилась.

В коридоре кто-то смеялся. Пахло свечным воском, дорогими духами и бумагой. За высокими окнами Лирассен сиял

утренним золотом, будто его башни держались сами по себе.

Я не повернулась.

— Тогда почему все обращаются со мной так, будто я именно она?

Тавин не ответил.

И правильно. На этот вопрос в доме Тальгардов честного ответа не было.

К вечеру у Эйрана случился приступ.

Не сильный. По меркам драконьего канцлера — почти незаметный. По моим меркам — достаточно серьезный, чтобы Марта прислала за мной без лишних слов.

Я нашла его в малом кабинете, не в спальне. Он сидел в кресле у камина, одна рука сжимала подлокотник, вторая лежала на столе рядом с раскрытыми бумагами. Кожа на костяшках побелела. Глаза оставались ясными, только зрачки стали узкими, драконьими.

— Уходите, — сказал он хрипло слуге у двери.

Слуга исчез так быстро, будто ждал разрешения.

Я закрыла дверь.

— Когда началось?

— Полчаса назад.

— И вы полчаса сидели с этим один?

— У меня были документы.

Я посмотрела на бумаги. Отчет по башенным расходам. Тот самый.

— Конечно.

Он поднял на меня тяжелый взгляд.

— Сейчас не время для упреков.

— Тогда для чего время, ваше светлость?

Он не ответил. В горле у него дернулся низкий звук, почти рычание, но подавленное до того, как стал настоящим. Пламя в камине резко потемнело по краям. Не из-за камина. Из-за его крови.

Я подошла ближе.

— Руку.

— Сэйра...

— Руку, Эйран.

Он отдал.

Неохотно. Мужчины, привыкшие управлять империями, плохо переносят необходимость протянуть руку женщине, которую при дворе называют слабой.

Его ладонь была горячей. Порча в крови билась под кожей сильнее, чем утром в башне. Значит, связь между северной печатью и ним стала глубже. Или кто-то заставил ее стать глубже.

Я коснулась его запястья двумя пальцами.

— Вы должны устранить мастера Драммонта от северной башни.

— Я уже распорядился проверить его.

— Проверить мало.

— У меня нет основания для ареста.

— А для моего истощения основания есть?

Он резко поднял глаза.

Пепельное пламя уже поднималось во мне, и я не могла сдерживать дрожь в пальцах. Его боль была злой, рваной, горячей. Моя — сухой, тихой, привычной.

— Покажи руку, — сказал он вдруг.

Я замерла.

— Что?

— Руку. Правую.

Я хотела отказать.

Не из гордости даже. Скорее из злости. Три года он мог спросить. Три года у него были глаза, слуги, ночные приступы, башни, брачный браслет, который грелся каждый раз, когда я вытаскивала его из боли. И он спрашивал сейчас, после слов Драммонта о слабом женском даре.

Но его приступ усиливался.

А я слишком хорошо знала цену промедления.

Я медленно отодвинула рукав.

На коже от запястья почти до локтя шли серые линии. Старые — бледные, тонкие. Новая — темнее, с сухим красноватым краем.

Эйран смотрел на них долго.

Так долго, что мне стало не по себе.

— Это от печатей? — спросил он.

— Нет. От вышивания.

Его взгляд стал жестче.

— Сэйра.

— Да. От печатей. От вашей крови. От северной башни. От брачного обряда. От всего того, что, как сегодня объяснил лорд Драммонт, было временной пользой.

Он закрыл глаза.

Не от стыда. Приступ снова ударил, и я почувствовала его через пальцы.

Я выругалась про себя и положила ладонь поверх его руки.

— Дышите.

— Я умею.

— Нет. Сейчас не умеете.

Он хотел возразить, но не смог.

Я потянула край порчи на себя. Не всю. Только край. Всегда только край, иначе можно было упасть рядом с ним и уже не подняться.

В комнате стало жарко. Черное пламя в камине дернулось, потом вернулось к обычному цвету. На столе дрогнула чернильница, но не из-за магии, а потому что Эйран сжал край стола второй рукой.

— Не держите, — сказала я. — Вы делаете хуже.

— Я контролирую.

— Вы мешаете.

Он посмотрел на меня так, будто мало кто в его жизни говорил ему это прямо.

— Простите, ваше светлость, — добавила я сухо. — Но ваша драконья гордость сейчас бесполезна.

И вдруг — совсем неожиданно — угол его рта едва заметно дернулся.

Не улыбка. Не сейчас. Но что-то живое промелькнуло в лице.

— Я учту.

— Не учтете.

— Вы сегодня слишком резки.

— Я сегодня слишком давно на ногах.

На этот раз он промолчал.

Пепельное пламя сделало свою работу. Приступ стал слабее. Золотое ядро в его крови выровнялось, черная порча отступила глубже, туда, откуда я не могла достать ее без большого обряда.

Я убрала руку.

И едва не пошатнулась.

Эйран поймал меня за локоть.

Быстро. Точно. Слишком крепко.

— Сэйра.

Я высвободилась прежде, чем это прикосновение стало чем-то большим.

— Уже прошло.

— У тебя кровь.

Я посмотрела вниз. На запястье, где край ожога треснул. Маленькая темная капля скатилась к ладони.

Как некрасиво. Как неудобно. Настоящая жена драконьего канцлера не должна пачкать кровью его бумаги.

Я взяла салфетку со стола и прижала к коже.

— Ничего страшного.

Эйран встал.

— Я позову лекаря.

— Не надо.

— Это не просьба.

Вот он. Мой муж.

Канцлер.

Человек, который мог протянуть руку, увидеть кровь, услышать правду — и все равно вернуться к приказу, потому что так проще, чем спросить.

Я подняла на него глаза.

— Тогда прикажите лекарю вылечить то, что ваш дом вплел в мою кровь без объяснений.

Он застыл.

В тишине потрескивал камин. За окном уже темнел Лирассен. Семь башен горели ровно. Для города все было хорошо.

— Я не знал, — сказал он наконец.

Я устала от этой фразы еще до того, как он ее произнес.

— Зато я знала. Каждую ночь.

Он провел рукой по лицу. Впервые за день на нем не было канцлерской безупречности. Только мужчина, который увидел неприятную вещь и еще не решил, как ее вставить в свой порядок.

— Я разберусь.

— С кем?

— С Драммонтом. С мастерами. С договором.

— А со мной?

Он посмотрел на меня.

Вопрос оказался слишком простым. Поэтому на него было трудно ответить.

Я сама спасла его от необходимости.

— Отдохните, ваше светлость. Завтра вам снова нужно будет держать империю.

Я поклонилась и вышла раньше, чем он смог сказать что-то еще.

В коридоре Марта ждала с чистой повязкой.

Она ничего не спросила. Просто взяла мою руку, отвела в маленькую кладовую за поворотом и стала аккуратно обрабатывать ожог. В кладовой пахло воском, мылом и сухой мятой. За стеной ходили люди, носили ужин, обсуждали вечерние новости. Никто не знал, что жена канцлера сидит на перевернутом ящике и стискивает зубы, пока горничная перевязывает ей руку.

— Он видел? — спросила Марта.

— Да.

— И?

Я посмотрела на забинтованное запястье.

— Сказал, что не знал.

Марта затянула узел чуть резче, чем нужно.

— Мужчины в этом доме часто не знают того, что им не

хочется видеть.

Я почти улыбнулась.

— Осторожнее, Марта. За такие слова вас могут уволить.

— Пусть попробуют. Кто-то должен стирать их кровь с простыней.

Мы обе замолчали.

Потом она сказала тише:

— Госпожа, вы не железная.

— Знаю.

— Нет, не знаете. Железо хотя бы куют с перерывами.

Я закрыла глаза.

От усталости хотелось не плакать, а просто лечь на каменный пол и поспать десять лет. Но через час ужин с представителями восточных родов. Потом проверка писем. Потом ответ государю по выплатам. Потом, возможно, новая дрожь печати.

— Помогите мне с волосами, — сказала я. — Они растрепались.

Марта посмотрела так, будто хотела возразить, но не стала.

Правильно. В доме Тальгардов волосы жены канцлера должны лежать аккуратно, даже если под рукавом свежая повязка.

На ужине я сидела слева от Эйрана и улыбалась ровно столько, сколько требовалось. Лорд Драммонт рассказывал государеву посланнику о важности архивной точности. Леди

Аурика Сольвейн вспоминала северные сады, где Виверна в детстве любила читать у воды. Кто-то осторожно произнес, что память о погибших иногда возвращается в неожиданных знаках.

Эйран почти не ел.

Один раз его взгляд опустился на мой рукав.

Я сделала вид, что не заметила.

После ужина, уже в коридоре, он подошел ко мне.

— Сэйра.

Я остановилась.

Вокруг были люди, но достаточно далеко. Он мог сказать что-то вежливое, безопасное. Например, поблагодарить за помощь при приступе. Или спросить, нужна ли мне карета завтра в храм. Или снова пообещать разобраться.

Он сказал:

— Сегодня Драммонт получил сообщение с северной границы.

Я ждала.

— Нашли женщину, которая утверждает, что она Виверна Сольвейн.

Воздух будто стал холоднее.

Я не сразу поняла, что сжала пальцы. Под повязкой дернулся ожог.

Конечно.

Вот почему Драммонт заговорил о временной пользе брака именно сегодня.

Вот почему леди Аурика улыбалась за ужином так мягко.

Вот почему северная печать дрогнула утром, словно кто-то заранее проверял, насколько крепко я еще держу место, которое никогда не было моим.

Я посмотрела на Эйрана.

На его спокойное лицо. На усталость в уголках глаз. На то, как он ждал моей реакции и, кажется, сам не знал, какую реакцию хочет увидеть.

— Живая? — спросила я.

— Похоже на то.

Похоже.

Одно слово, и три года моей жизни стали тонкими, как бумага.

Я кивнула.

— Тогда вам придется встретить ее достойно.

Он чуть нахмурился.

— Это все, что вы скажете?

Нет.

Не все.

Я хотела сказать: а меня вы встретили достойно, когда я пришла в платье, сшитое для нее?

Хотела спросить: если она настоящая, кто тогда я?

Хотела показать руку и сказать: ваша исчезнувшая невеста возвращается в дом, который три года стоял на моей крови.

Но вокруг были стены Тальгардов, слуги, советники,

невидимые уши двора. А я слишком хорошо знала, как быстро женская боль превращают в придворную слабость.

Поэтому я сказала только:

— Вы же канцлер, Эйран. Вы всегда знаете, как поступить правильно.

Его лицо стало жестче.

— Сэйра...

— Доброй ночи, ваше светлость.

Я ушла первая.

В своих покоях я долго не зажигала лампы. Сидела у окна в темноте и смотрела на семь башен Лирассена.

Все семь горели.

Пока горели.

Брачный браслет на руке был теплым, почти ласковым, если не знать, что под ним скрыто. На повязке проступило маленькое серое пятно. Не кровь. Пепел.

Где-то на северной границе женщина с именем Виверны Сольвейн возвращалась к мужчине, для которого когда-то шили мое свадебное платье.

А я сидела в ее комнатах, с ее лилиями, под фамилией ее жениха.

И впервые за три года позволила себе подумать не о долге. Не о башнях.

Не о доме Лиорданов и не о доме Тальгардов.

О себе.

Если настоящая вернулась, значит, запасной скоро укажут

место.

И, может быть, в этот раз я не стану ждать, пока меня туда поставят.

ГЛАВА 2. Серебряная печать Сольвейн

Утром в мои покои снова принесли лилии.

Я стояла у письменного стола, проверяла список приглашенных на обед с восточными послами и сначала даже не повернулась. Услышала только осторожный шорох юбки, тихий стук вазы о мраморную столешницу и короткую паузу — ту самую, когда служанка ждала, скажу ли я что-нибудь. Не сказала.

Запах цветов постепенно заполнил комнату. Сладкий, тяжелый, белый. У лилий был запах чистоты, которую слишком долго держали взаперти.

— Оставить здесь, госпожа? — спросила девушка.

Я подняла глаза.

Служанку звали Нелла. Ей было лет шестнадцать, не больше. Тонкие запястья, рыжеватые волосы под чепцом, испуганная привычка не смотреть прямо. Она появилась в доме Тальгардов прошлой зимой и до сих пор вздрагивала, когда в коридоре проходил кто-то из драконьей стражи.

Я посмотрела на вазу.

Белые лилии с едва заметной серебристой пылью. Такие выращивали в оранжереях Сольвейнов. Не у нас. Не в доме Лиорданов. И даже не у Тальгардов до помолвки Эйрана с

Виверной.

— Кто распорядился заменить цветы? — спросила я.

Нелла быстро опустила глаза.

— Управляющий, госпожа. Как каждое утро.

— Я просила розмарин.

— Да, госпожа.

— И?

Она сжала пальцы на переднике.

— Управляющий сказал, что в брачных покоях сохраняется прежний порядок.

Прежний.

Я почти улыбнулась.

Не от веселья. От того, как ловко это слово умело делать боль приличной.

— Спасибо, Нелла. Можете идти.

Она присела в реверансе, но не ушла сразу. Ее взгляд скользнул к моему правому рукаву. Повязка под плотной тканью не была видна, я проверяла перед зеркалом. Значит, Марта уже знала. А если знала Марта, значит, девочки в прачечной к обеду тоже будут знать, что у госпожи канцлерины снова кровил ожог.

— Что-то еще?

Нелла вздрогнула.

— Нет, госпожа. Простите.

Она выскользнула за дверь.

Я осталась с лилиями.

Утро было серым. За окном над Лирассеном висели низкие облака, и семь башенных огней казались бледнее обычного. Не погасшими, нет. Просто уставшими. Как люди после долгой болезни, которые уже встали с постели, но еще не вернули себе цвет лица.

Я взяла вазу и переставила ее на дальний подоконник.
Не выбросила.

Жена канцлера не устраивает сцен из-за цветов.

Она просто отодвигает чужой запах подальше и возвращается к работе.

На столе лежали три стопки бумаг. Первая — дела дома Тальгардов: счета, письма управляющего, жалобы слуг, список ремонта в западном крыле. Вторая — бумаги Эйрана, которые он вечером попросил меня проверить до заседания: восточные поставки, ответ городу Сервин, два проекта указа. Третья — моя собственная. Тонкая, спрятанная между книгой расходов и альбомом с образцами тканей.

Там были копии счетов по северной башне.

Я открыла именно ее.

Черное масло. Серебряные чаши. Архивный допуск. Новый мастер печатей, назначенный по рекомендации канцелярии Драммонта.

Все вроде законно.

Слишком законно.

Я провела пальцем по маленькой точке внутри круга рядом с подписью. Архивная отметка была поставлена не чер-

нилами, а сухим оттиском. Такие метки использовали для документов, связанных с брачными договорами, родовыми печатями и наследственными спорами.

Северная башня не имела отношения к брачному договору.

Или я не знала, что имела.

После вчерашнего разговора с Эйраном я почти не спала. Не из-за Виверны. По крайней мере, я пыталась убедить себя, что не из-за нее.

Виверна Сольвейн жива.

Фраза возвращалась снова и снова.

Она не звучала как новость. Скорее как приговор, который давно был написан, просто мне забыли его зачитать.

Я потянулась к чернильнице, чтобы сделать пометку, но в дверь постучали.

Не коротко, как служанки. Не уверенно, как Марта. Два ровных удара, пауза, еще один.

Паж из канцелярии.

— Войдите.

Дверь открылась, и на пороге появился мальчик в темно-золотой ливрее. Тот же, что вчера передавал распоряжение Эйрана. Сегодня он выглядел еще бледнее.

— Госпожа канцлерина, его светлость просит вас явиться в малый зал приема через десять минут.

Я закрыла папку.

— По какому вопросу?

Паж сглотнул.

— Прибыл гонец с северной границы. Письмо с личной печатью рода Сольвейн.

Вот и оно.

Не слух.

Не осторожное “похоже”.

Письмо.

Я почувствовала, как браслет на запястье медленно нагрелся. Не от печати. От меня. Иногда пепельное пламя отзывалось на сильное волнение так же, как на боль: тихим жаром под кожей.

— Передайте его светлости, что я буду через десять минут.

— Да, госпожа.

Когда дверь закрылась, я осталась неподвижной.

Десять минут.

Достаточно, чтобы сменить домашнее платье на официальное. Достаточно, чтобы убрать волосы. Достаточно, чтобы спрятать повязку под более плотным рукавом.

Недостаточно, чтобы подготовиться к возвращению женщины, вместо которой тебя взяли в жены.

Я подошла к зеркалу.

На меня смотрела Сэйра Тальгард. Спокойное лицо, темные волосы, светло-карие глаза без слез. Умение держаться я приобрела не во дворце. Его воспитывали во мне с детства, как дешевую замену счастью.

Младшие дочери бедных родов не имеют права много чувствовать при свидетелях.

Я позвонила в колокольчик.

Марта вошла почти сразу. Как будто стояла за дверью.

— Вы слышали? — спросила я.

— Весь нижний коридор уже слышал, госпожа.

Конечно.

В доме Тальгардов новости никогда не шли. Они просачивались, как вода через старую кладку.

— Темно-серое платье. То, что с закрытым воротом.

— Не синее?

— Нет. В синем я была вчера на совете. Сегодня им нужен не цвет дома Тальгардов. Сегодня им нужна женщина, которая не падает в обморок от письма.

Марта задержала взгляд на моем лице.

— А вы?

— А я не падаю.

Она ничего не сказала.

Только подошла к шкафу.

Через восемь минут я уже шла по коридору к малому залу приема. Темно-серое платье шуршало у пола, волосы были собраны гладко, брачный браслет скрыт рукавом, но я все равно чувствовала его вес. Он словно стал тяжелее за одну ночь.

У дверей зала стояли двое стражей и секретарь Эйрана, господин Лайс. Он поклонился, но глаза у него бегали.

— Госпожа канцлерина.

— Кто внутри?

— Его светлость, лорд Драммонт, леди Аурика Сольвейн, представитель государевой канцелярии и гонец.

— Леди Аурика уже здесь?

— Да, госпожа.

Вот значит как.

Тетку Виверны позвали раньше жены канцлера.

Я не дала лицу измениться.

— Откройте.

Лайс коснулся ручки двери.

— Госпожа...

Я посмотрела на него.

— Да?

Он замялся, потом тихо сказал:

— Письмо... оно с кровной печатью. Сомнений почти нет. Почти.

Опять это слово.

— Благодарю за предупреждение.

Двери открылись.

Малый зал приема был не таким торжественным, как Высший круг, но именно здесь часто решались дела, которые потом называли историческими. Длинные окна выходили на внутренний двор, где черные деревья стояли без листьев. В камине горел ровный огонь, на столе лежала раскрытая карта северной границы.

Эйран стоял у стола.

Орис Драммонт — чуть в стороне, как человек, который не вмешивается, но уже все рассчитал. Леди Аурика Сольвейн сидела в кресле, прижав к губам платок. Ее глаза были влажными. Очень вовремя влажными.

Гонец стоял перед столом. Молодой, в дорожном плаще, с грязью на сапогах. Значит, его пустили сразу, даже не заставив переобуться. Письмо действительно было важным.

Я вошла.

Все повернулись.

Леди Аурика приложила платок к груди.

— Дорогая Сэйра...

Я не подошла к ней.

— Ваше светлость, вы звали меня.

Эйран посмотрел на меня. Быстро. Внимательно. В его взгляде не было вчерашней холодной собранности. Он выглядел так, будто ночь тоже не дала ему сна.

— Да.

На столе перед ним лежал конверт.

Плотная серебристая бумага. Печать — разломанная, но я успела увидеть край: птица Сольвейнов, крыло в кольце. И еще что-то. Тонкая черная линия в воске, похожая на трещину.

— Письмо пришло из крепости Норвен, — сказал Эйран.

— От капитана пограничной стражи.

Гонец поклонился.

— Госпожа канцлерина.

Я кивнула ему.

— Что пишет капитан?

Эйран взял письмо.

— Три дня назад на северной дороге нашли женщину. Истощенную, с признаками долгого плена. При ней был перстень рода Сольвейн и брачная лента с личной вышивкой Ви-верны.

Леди Аурика всхлипнула.

Я не посмотрела на нее.

— Лицо? — спросила я.

Драммонт ответил вместо Эйрана:

— По словам капитана, сходство несомненно.

Я повернула к нему голову.

— Сходство — не доказательство.

Орис Драммонт слегка улыбнулся. Не обидно. Почти ласково.

— Разумеется, госпожа. Поэтому и требуется проверка крови, памяти и печати рода.

— Где она сейчас?

— Под охраной, — сказал Эйран. — Ее везут в столицу. Будет здесь через два дня.

Два дня.

У меня было два дня до того, как прошлое Эйрана войдет в этот дворец не письмом, не слухом, а живой женщиной.

— Она говорила? — спросила я.

Гонец сглотнул.

— Мало, госпожа. Очень слаба. Но назвала его светлость по имени. И просила передать...

Он запнулся.

Эйран напрягся.

— Говори.

Гонец побледнел еще сильнее.

— Она просила передать: “Я вернулась туда, где меня должны были ждать”.

Леди Аурика закрыла лицо платком.

В зале стало так тихо, что я услышала, как потрескивает полено в камине.

Где меня должны были ждать.

Не “я жива”.

Не “спасите”.

Не “сообщите родным”.

Именно это.

Я почувствовала, как все взгляды, даже не направленные на меня, все равно оказались возле моего лица. Как я приму? Поблуднею? Отведу глаза? Скажу что-нибудь лишнее?

Я сделала то, что три года делала лучше всего.

Выбрала полезное.

— Ее нужно разместить не в главном крыле, — сказала я. — Если она действительно была в плену, ей понадобится покой, лекарь и защита от придворных. Южные гостевые покои подойдут лучше. Там есть отдельный ход для лекарей и

внутренняя купальня.

Леди Аурика медленно опустила платок.

— Южные? Но Виверна всегда жила в восточных покоях.
В моих.

Я посмотрела на нее спокойно.

— Восточные сейчас заняты.

Она моргнула.

Драммонт чуть склонил голову, будто скрывал улыбку.

Эйран сказал:

— Южные покои подойдут.

Леди Аурика сжала платок.

— Конечно. Здоровье моей племянницы важнее воспоминаний.

Воспоминаний.

Какое изящное слово для чужой спальни.

Я повернулась к Эйрану.

— Нужно будет ограничить доступ. Род Сольвейн, лекарь, представитель храма и ваша стража. Без лишних дам, которые захотят увидеть чудо.

— Согласен.

— Проверку крови должен проводить не мастер Драммонта.

Орис поднял брови.

— У вас есть основания не доверять моим людям, госпожа?

Да.

Северная башня. Открытое окно. Архивный допуск. Ожог на моей руке. Но вслух я сказала другое:

— Проверка крови Виверны Сольвейн касается брачного статуса драконьего канцлера. Чтобы избежать слухов, лучше поручить ее храму Семигорья. Настоятельница Шаэль не принадлежит ни вашему ведомству, ни роду Сольвейн, ни дому Тальгардов.

Драммонт улыбнулся шире.

— Ваша осторожность достойна уважения.

— Я рада, что вы ее оценили.

Эйран посмотрел на меня. В этот раз дольше.

— Я распоряжусь.

Леди Аурика вдруг поднялась.

— Эйран, мальчик мой, я понимаю осторожность, но Виверна пережила ужасные годы. Ей понадобится не только лекарь. Ей понадобится дом. Знакомые лица. Ее вещи, ее комнаты...

Я поняла, к чему она ведет, еще до того, как она закончила.

— Ее покои были сохранены? — спросила она мягко.

Не у Эйрана.

У меня.

Я выдержала паузу.

В моей комнате стояли ее лилии. В шкафах до сих пор находились ленты с гербом Сольвейн, если искать достаточно глубоко. Некоторые подушки, наверное, выбирала она.

Некоторые служанки помнили, как примеряли к окнам ткань под ее вкус.

Сохранились ли ее покои?

Да.

Просто три года в них пыталась жить я.

— Все, что принадлежало госпоже Сольвейн, хранится в восточном архиве дома, — ответила я. — Управляющий выдаст вам список.

Леди Аурика поджала губы.

— Я говорила не о вещах.

— Тогда уточните, о чем.

В ее глазах мелькнуло раздражение. Маленькое, быстро спрятанное.

— О месте, которое она занимала.

Вот оно.

Наконец прямо.

Эйран резко сказал:

— Леди Аурика.

Она повернулась к нему, сразу смягчившись.

— Я понимаю, сейчас не время. Простите. Мое сердце говорит быстрее разума.

Я почти восхитилась.

Сколько лет нужно провести при дворе, чтобы научиться вкладывать нож и тут же называть это сердцем?

— В таком случае разуму стоит дать ему отдохнуть, — сказала я.

На этот раз тишина была другой.

Орис Драммонт посмотрел на меня с новым интересом.

Эйран тоже.

Леди Аурика побледнела от злости, но быстро улыбнулась.

— Конечно, дорогая.

Дорогая.

Если бы каждое это слово оставляло синяк, я давно была бы вся в синих пятнах.

Разговор продолжался еще около получаса. Обсуждали маршрут, охрану, лекарей, закрытость въезда в столицу. Я говорила только по делу. Где разместить. Кого предупредить. Какие коридоры закрыть, чтобы слуги не разнесли слухи быстрее колоколов. Какой список гостей отменить. Какие письма подготовить государю.

Я была полезна.

Безупречно.

До самого конца.

Когда все вышли, Эйран задержал меня.

— Сэйра.

Я остановилась у двери.

— Да, ваше светлость?

Он поморщился.

— Не надо так.

— Как?

— “Ваше светлость”. Сейчас здесь нет посторонних.

Я посмотрела на него.

— Именно поэтому так безопаснее.

Он прошел к камину, но не сел. Взял с полки маленькую черную фигурку дракона, потом поставил обратно. Не свойственное ему беспокойное движение.

— Я понимаю, как это выглядит.

— Правда?

Слово вышло тише, чем я хотела.

Он обернулся.

— Я не собираюсь принимать решений, пока не будет проверки.

Я кивнула.

— Очень благоразумно.

— Сэйра.

— Что вы хотите, чтобы я сказала, Эйран? Что рада? Что мне жаль? Что я понимаю, как тяжело вам получить весть о женщине, которую вы считали погибшей?

— Я не прошу тебя говорить то, чего ты не чувствуешь.

— Тогда зачем оставили?

Он ответил не сразу.

За окнами по серому небу медленно летел патрульный дракон. Черная точка на фоне облаков. Красиво, если не знать, сколько крови уходит на то, чтобы башни позволяли ему лететь спокойно над городом.

— Потому что не хочу, чтобы ты слышала все от слуг.

Я почти рассмеялась.

— Вы опоздали. Слуги слышали раньше меня.

Он закрыл глаза на мгновение.

— Я знаю.

— Тогда поздно оберегать.

— Я не умею оберегать то, что касается личного, — сказал он вдруг.

Я замерла.

Эйран редко признавался в слабости. Даже косвенно. Обычно он говорил “это нецелесообразно”, “это преждевременно”, “это будет решено”. А сейчас сказал почти честно.

Почти.

Я могла бы смягчиться.

Три года назад, наверное, смягчилась бы. Нашла бы оправдание его холодности, усталости, долгу, ранам прошлого. Сказала бы себе: он пытается.

Но вчера он позволил Драммонту назвать наш брак временной пользой.

А сегодня его настоящая невеста возвращалась “туда, где ее должны были ждать”.

— Тогда учитесь быстро, — сказала я. — Потому что теперь личное войдет в этот дом через главные ворота и потребует освободить ему место.

Он смотрел на меня долго.

— Ты думаешь, я отдам ей твое место?

Мое место.

Я вдруг поняла, что не знаю, где оно.

В спальне с лилиями? У его кресла на совете? В башне на коленях перед трещиной в печати? В документах Драммон-та, где мой дар назывался замещающим источником? В памяти двора, который с самого начала видел во мне перерыв между Виверной и Виверной?

— Я думаю, — ответила я, — что вы сами не знаете, где мое место. И это гораздо хуже.

Он ничего не сказал.

Я вышла.

В коридоре было прохладно. Обычный день продолжался: слуги несли белье, писцы торопились с папками, за окнами стучали копыта во внутреннем дворе. Снаружи ничего не изменилось. Только мне казалось, что стены дома Тальгардов незаметно повернулись ко мне спиной.

Марта нашла меня в малой кладовой у восточной галереи. Я стояла там без дела, глядя на полки с запасными свечами.

— Госпожа?

— Мне нужно подготовить южные покои для гостыи.

Марта молчала секунду.

— Для госпожи Сольвейн?

— Для женщины, которая утверждает, что она госпожа Сольвейн.

— Понимаю.

Она сказала это так, что я впервые за утро почувствовала благодарность. Не “бедная вы”. Не “что теперь будет”. Просто — понимаю.

— Нужны чистые простыни, два дополнительных экрана у кровати, лекарский столик, горячая вода к ее прибытию. И уберите из южных покоев все зеркала, кроме одного.

— Почему?

— Если она действительно была в плену, много зеркал ей ни к чему. Если играет роль, одно ей хватит.

Марта коротко кивнула.

— Цветы?

Я посмотрела на нее.

— Никаких лилий.

— С удовольствием.

Мы пошли вместе.

Южные покои давно не принимали важных гостей. Там было чисто, но прохладно. Окна выходили на внутренний сад, где росли темные кипарисы и кусты зимней розы. Комнаты были красивыми, но без личной памяти. Именно поэтому я выбрала их.

Виверна не должна была сразу лечь в мою постель.

Я отдала распоряжения, проверила белье, велела принести ширму из зеленой гостиной, убрать тяжелые духи, заменить ковер у камина. Занималась делами спокойно, точно, почти с облегчением.

Работа спасала.

Работа всегда спасала, пока не превращалась в цепь.

Когда я проверяла лекарский столик, в комнату вошла ле-
ди Аурика.

Без стука.

За ней — две женщины из рода Сольвейн, обе в светлых платьях, с одинаковыми выражениями лиц: печаль, достоинство и любопытство, которое они не успели спрятать.

— Сэйра, дорогая, как любезно с вашей стороны заняться этим лично.

Я поставила флакон с успокоительным настоем ровно в центр подноса.

— Госпоже Сольвейн понадобится покой.

Леди Аурика оглядела комнату. Медленно. Слишком внимательно.

— Южное крыло очень... сдержанное.

— Именно.

— Виверна любила свет.

— После плена яркий свет может быть тяжел.

— Вы так предусмотрительны.

— Я стараюсь быть полезной.

Леди Аурика улыбнулась.

— Вы всегда старались.

Вот теперь стало больно.

Не потому что она сказала ложь. Потому что правду можно произнести так, что она станет оскорблением.

Одна из женщин у окна тронула занавеску.

— В восточных покоях вид на башни лучше.

Я повернулась к ней.

— В восточных покоях живу я.

Она покраснела.

Леди Аурика вздохнула.

— Никто не пытается вас обидеть, Сэйра.

Это была любимая фраза людей, которые именно это и делали. Сначала аккуратно резали, потом удивлялись крови.

— Тогда у вас плохо получается, — сказала я.

Марта, стоявшая у двери, кашлянула. Кажется, чтобы скрыть что-то похожее на смешок.

Леди Аурика посмотрела на нее холодно, потом снова на меня.

— Я понимаю, вам трудно. Но нужно думать о нем.

Я знала, кого она имеет в виду.

Не о государстве. Не о раненой женщине. Не о башнях.

О нем.

Об Эйране.

— Я думаю о нем три года, леди Аурика.

Она чуть склонила голову.

— Именно поэтому надеюсь, что вы не станете усложнять ему и без того тяжелое время.

Я сделала шаг к ней.

Не резко. Спокойно.

— Не волнуйтесь. Я не усложняю жизнь мужчинам, которые умеют принимать решения. Я только перестала делать вид, что эти решения не касаются меня.

Ее лицо стало жестким.

На миг. Потом снова мягким.

— Вы изменились.

— Нет. Просто теперь вы слушаете.

Это было лишнее.

Я поняла сразу.

Но не пожалела.

Леди Аурика попрощалась почти ласково и ушла. Женщины Сольвейн поспешили за ней, унося с собой будущие слухи. К вечеру весь двор будет знать, что запасная жена канцлера стала резкой. Что бедняжка Сэйра плохо переносит возвращение Виверны. Что ревность заставляет даже тихих женщин забывать приличия.

Марта закрыла дверь.

— Простите, госпожа, но это было прекрасно.

Я села на край стула.

— Это было глупо.

— Иногда глупость нужна, чтобы не задохнуться.

— При дворе за нее платят.

— Вы и так платите. Можно хоть иногда за свое удовольствие.

Я посмотрела на нее и впервые за день улыбнулась настоящему.

Ненадолго.

Потом браслет снова стал теплым.

Не резко. Не как при приступе. Иначе. Глубже. Тише.

Я подняла руку.

— Что? — спросила Марта.

— Не знаю.

Тепло шло не от северной башни. Не от крови Эйрана. Связь тянулась в другую сторону, через город, через камень, через какие-то старые линии брачного обряда, которых я не чувствовала раньше.

Словно кто-то очень далеко коснулся второй половины печати.

Я встала.

— Где сейчас канцлер?

— В архивном кабинете, кажется.

Конечно.

С письмом.

С серебряной печатью.

Я пошла туда быстро, почти не замечая дороги. Браслет нагревался с каждым шагом. Не больно, но настойчиво. Пепельное пламя под кожей отзывалось тревогой.

У дверей архивного кабинета стража попыталась остановить меня.

— Его светлость просил не беспокоить.

— Отойдите.

Они переглянулись.

Обычно я так не говорила.

Один из них все же открыл дверь.

Эйран был внутри не один. С ним стояли Драммонт и Агата Шаэль. На столе лежало письмо, перстень Сольвейн, узкая серебряная лента и маленькая стеклянная капсула с темной

капель крови.

Агата держала мою брачную запись.

Я узнала ее сразу по темному золотому краю.

— Что происходит? — спросила я.

Эйран резко повернулся.

— Сэйра, тебе не следовало...

— Что происходит?

Агата посмотрела на мою руку.

— Вы почувствовали отклик.

Не вопрос.

Я подошла ближе.

— Что это за кровь?

Драммонт сложил руки перед собой.

— Образец, присланный с границы. Предварительный.

Нестабильный, конечно, но достаточный для проверки рода.

— И?

Агата ответила раньше него:

— Кровь действительно связана с домом Сольвейн.

В комнате стало тихо.

Я посмотрела на капсулу.

Темная капля внутри не двигалась. Просто кровь. Никаких голосов, никаких знаков, никаких чудес. Но моя брачная печать отзывалась на нее так, будто рядом открыли старую дверь.

— Почему реагирует мой браслет? — спросила я.

Агата медленно закрыла брачную запись.

— Потому что ваш обряд проводился на месте незавершенного обряда Виверны Сольвейн.

Я не сразу поняла.

Или не захотела понять.

— Объясните.

Эйран смотрел на Агату так, будто тоже слышал это впервые. Но я уже не знала, чему верить.

Настоятельница положила ладонь на папку.

— Помолвочная печать дома Тальгард и дома Сольвейн была открыта до исчезновения Виверны. Ее не завершили браком, но след остался в родовом контуре. Когда ваш брак заключали срочно, контур не очистили полностью.

Я почувствовала, как холод поднимается от пола к коленям.

Не магия.

Просто тело наконец поняло то, что разум еще пытался оформить словами.

— То есть мой брак вписали поверх ее?

Агата молчала.

Молчание иногда честнее ответа.

Я повернулась к Эйрану.

— Вы знали?

— Нет.

Снова.

Я посмотрела на него, и это “нет” уже не ранило так остро. Наверное, потому что во мне стало пусто.

— Удобное слово, — сказала я.

Он сделал шаг ко мне.

— Сэйра.

— Не сейчас.

Драммонт мягко вмешался:

— Госпожа, подобные технические подробности обрядов часто не сообщаются супругам, чтобы не создавать лишней тревоги. Ваш брак полностью законен.

Я повернулась к нему.

— Как успокоительно.

— Я понимаю, это может показаться неприятным.

— Неприятно — это когда утром приносят лилии, которые ты не любишь. А когда твою жизнь вписывают поверх чужой незавершенной печати и три года называют это браком, для этого нужно другое слово.

Он чуть склонил голову.

— Вы справедливо взволнованы.

Вот и все.

Справедливо взволнована.

Я почти видела, как к вечеру это станет “эмоциональна”, потом “ревнива”, потом “нестабильна”.

Агата тихо сказала:

— Сэйра, нужно осмотреть вашу печать.

— Зачем?

— Чтобы понять, насколько глубоко отклик крови Сольвейн может повлиять на вас.

— Сейчас вы спрашиваете мое согласие?

Она выдержала мой взгляд.

— Да.

И почему-то именно это чуть не сломало меня.

Потому что за три года так мало людей спрашивали.

Я медленно расстегнула манжету и открыла запястье.

В комнате никто не вдохнул громко. Никто не сказал: “Боги”. Драконий двор умел держать лицо.

Но я увидела, как Эйран побледнел.

Серые ожоги были ярче, чем утром. Брачный браслет лежал поверх них темным золотом. А между старыми линиями проступила новая — тонкая серебристая царапина, которой раньше не было.

Агата подошла ближе, не касаясь сразу.

— Это отклик незавершенной печати.

— Что это значит?

Она посмотрела на Драммонта.

— Лорду Драммонту лучше выйти.

Орис улыбнулся.

— Настоятельница, я представляю имперские архивы.

Все брачные записи...

— Выйдите, — сказал Эйран.

Голос у него был тихий.

Но Драммонт услышал приказ.

Он поклонился.

— Разумеется, ваше светлость.

Когда дверь за ним закрылась, Агата выдохнула.

— Его нельзя подпускать к вашим брачным документам без свидетелей.

Эйран резко посмотрел на нее.

— Почему?

— Потому что кто-то в свое время сделал с ними больше, чем должен был.

Я закрыла глаза.

На мгновение мне захотелось не знать продолжения.

Но незнание было роскошью тех, кто не платил своим телом.

— Говорите, — сказала я.

Агата взяла мою руку. Ее пальцы были сухими и теплыми.

— Ваш дар не просто соединили с домом Тальгард. Его поставили как замещающий источник на место незавершенной печати Сольвейн. Пока Виверна считалась мертвой, система держалась на вас. Если она жива и ее кровь снова войдет в контур, печать начнет выбирать между двумя женщинами.

— Печать не выбирает, — сказала я. — Выбирают люди, которые ее пишут.

Агата посмотрела на меня с тяжелым уважением.

— Верно.

Эйран стоял неподвижно.

— Что будет с Сэйрой?

Не “с печатью”.

Не “с башнями”.

Со мной.

Поздно, но я все равно услышала.

Агата осторожно отпустила мою руку.

— Если процесс не остановить, ее дар начнет вытеснять сам себя. Ожоги усилятся. Пламя станет нестабильным. Она может терять сознание, память отдельных обрядов, способность управлять печатями.

— Смерть? — спросила я.

Эйран дернулся, будто я сказала что-то неприличное.

Агата не стала лгать.

— Возможна. Не сразу. Но да.

За окном резко ударил колокол. Один раз. Потом второй. Смена караула во внутреннем дворе.

Обычный день.

Очень обычный день, в котором я вдруг узнала, что мое место не просто могут забрать. Меня можно стереть из него так же аккуратно, как старый герб с подола свадебного платья.

Эйран подошел ближе.

— Я не позволю.

Я посмотрела на него.

Когда-то эти слова могли бы согреть.

Сейчас они прозвучали почти жестоко.

— Вы уже позволили слишком многое.

Он принял удар молча.

В этом была его сила. И, возможно, первая крупица того, что однажды могло стать честностью.

— Что нужно сделать? — спросил он у Агаты.

— До прибытия Виверны — закрыть вашу брачную печать от внешнего отклика. Это временно. Нужно, чтобы Сэйра не реагировала на ее кровь, пока мы не проведем полную проверку.

— Делайте.

Агата посмотрела на меня.

Я сама ответила:

— Делайте.

Обряд занял меньше четверти часа, но к концу у меня подкашивались ноги. Агата не брала силу, только закрывала лишнюю линию, однако серебряная царапина на запястье сопротивлялась сильнее, чем должна была.

Эйран стоял рядом.

Не касался.

Не приказывал.

Просто стоял так близко, что если бы я начала падать, успел бы поймать.

Я не упала.

Когда все закончилось, Агата наложила на браслет тонкую серую нить храмовой печати. Нить была почти невидима, но жар в руке стал слабее.

— На сутки хватит, — сказала она. — Возможно, на двое, если не будет сильного отклика.

— А потом? — спросил Эйран.

— Потом госпожа Сольвейн прибудет в столицу.

Никто не добавил: и все станет хуже.

Это и так было ясно.

Я опустила рукав.

— Мне нужно закончить подготовку покоев.

Эйран шагнул ко мне.

— Сэйра, сейчас тебе нужно лечь.

— Нет.

— Ты едва стоишь.

— Зато южные покои будут готовы.

— К черту покои.

Я подняла глаза.

В его голосе впервые прорвалась злость. Не на меня, кажется. Но досталось мне.

— Как интересно, — сказала я тихо. — Три года я должна была думать о покоех, приемах, счетах, башнях, вашем расписании и вашей крови. А теперь, когда речь о Виверне Сольвейн, вы вдруг решили, что покои к черту.

Он сжал челюсть.

— Я сказал не это.

— Вы всегда говорите не это. Но почему-то я всегда оказываюсь там, где удобнее вашему дому.

Я вышла из кабинета.

На этот раз он не остановил.

И хорошо.

Потому что я уже не была уверена, что смогла бы сохранить лицо, если бы он сказал еще хоть одно правильное, запоздалое слово.

Вечером, когда южные покои были готовы, я вернулась к себе.

Лилии на подоконнике начали вянуть.

Белые лепестки по краям стали прозрачными, тяжелыми. Я взяла вазу и наконец вынесла ее в коридор. Поставила на столик у двери.

Через несколько минут появилась Нелла.

— Госпожа?

— Убери их.

Она испуганно посмотрела на цветы.

— Совсем?

— Совсем.

— А если управляющий...

— Скажешь, что я приказала.

Она осторожно взяла вазу.

— Какие цветы принести утром?

Я хотела сказать: никакие.

Но потом вспомнила фразу матери из письма.

Пепельное пламя нельзя дарить тем, кто не знает твоего имени.

— Розмарин, — сказала я. — И ветку ясеня, если найдешь в саду.

Нелла впервые за все утро улыбнулась.

— Найду, госпожа.

Когда дверь закрылась, я села за стол и достала папку со счетами.

Рука болела. Голова была тяжелой. Но если я сегодня лягу, завтра кто-то другой решит, что именно я должна знать о собственной печати.

Я разложила перед собой документы: северная башня, архивный допуск, брачная запись, расходы Драммонта.

Потом взяла чистый лист и написала сверху:

“Вопросы, на которые мне больше не будут отвечать словом «не знал»”.

Первым пунктом поставила:

“Кто разрешил использовать мой дар как замещающий источник?”

Вторым:

“Почему контур Виверны Сольвейн не был очищен до моего брака?”

Третьим:

“Что именно Орис Драммонт знает о печати Тальгардов?”

Я остановилась, глядя на чернила.

Потом добавила четвертый:

“Кем я являюсь в этом браке, если мое место было занято еще до меня?”

Рука дрогнула только на последнем слове.

За окном темнел Лирассен. Башни горели ровно, но теперь я смотрела на них иначе. Не как на защиту города. Как

на огни, которые слишком долго питались чужим молчанием.

Где-то на северной дороге Виверна Сольвейн ехала к столице.

К своему прошлому.

К своему жениху.

К моим покойм, если верить леди Аурике.

Я положила ладонь на браслет. Под храмовой нитью он был теплым, но уже не обжигал.

— Нет, — сказала я тихо.

Не браслету. Не Виверне. Не Эйрану.

Себе.

Нет, я больше не буду ждать, пока меня заменят красиво, законно и с благодарностью за проявленное достоинство.

Если мое имя вписали поверх чужого, я узнаю, кто держал перо.

И в этот раз не позволю им стереть меня молча.

ГЛАВА 3. Настоящая вернулась

Виверна Сольвейн въехала в Лирассен под дождем.

Не сильным, не грозovým. Таким мелким и упрямым, который не оставляет красивых капель на стекле, а просто пропитывает ткань, волосы, кожу и делает город серым. К полудню камни внутреннего двора потемнели, золотые прожилки в стенах стали тусклыми, а флаги на башнях Тальгардов висели тяжелыми мокрыми складками.

Я стояла у окна южной галереи и смотрела, как готовят встречу.

Стражу выстроили по обе стороны ворот. Не парадно, но достаточно торжественно, чтобы все поняли: возвращается не просто больная женщина с границы. Возвращается имя, ради которого Высший круг уже начал менять воздух во дворце.

У лестницы ждали леди Аурика и еще трое из рода Сольвейн. Все в светлом. Все с лицами людей, заранее готовых плакать красиво. Управляющий дома Тальгардов проверял слуг с таким видом, будто от положения каждой свечи зависела безопасность империи.

Марта стояла рядом со мной и держала в руках список лекарственных принадлежностей.

— Южные покои готовы, госпожа, — сказала она. — Настой, чистое белье, горячая вода, ширма, один зеркальный

круг, как вы велели. Лилии не ставили.

— Спасибо.

— Зато леди Аурика прислала свои.

Я медленно повернула голову.

Марта посмотрела на меня сухо.

— Я отправила обратно. Сказала, что у госпожи канцлерины распоряжение лекарского характера: тяжелые цветы могут повредить больной.

Я впервые за утро улыбнулась.

— У вас талант к придворной лжи.

— Я называю это службой в хорошем доме.

— Это хороший дом?

Марта выдержала паузу.

— В нем хорошие люди вынуждены слишком часто молчать.

Ответ был честнее, чем я ожидала.

Внизу у ворот слышались первые команды. Я посмотрела обратно в окно. Дождь стягивал лица стражников в серые пятна. Один из драконов на башне встряхнул крылья, и с каменного карниза сорвалась вода.

Эйран вышел во двор без плаща.

Черный камзол, золотая застежка у горла, волосы убраны назад. Дождь сразу лег на плечи, но он будто не заметил. Люди вокруг него заметили. Всегда замечали, когда канцлер позволял погоде касаться себя как обычного человека.

Я видела его сверху и почему-то подумала: вот так, навер-

ное, он стоял три года назад, когда ему сообщили об исчезновении Виверны.

Спокойно.

Слишком спокойно.

Только теперь я знала цену такой выдержке. Иногда за ней скрывалась сила. Иногда трусость. Чаше — привычка не давать миру повода увидеть, где у тебя болит.

Браслет на моем запястье был холодным с самого утра. Агата Шаэль пришла на рассвете, проверила храмовую нить и сказала, что отклик стал слабее.

— До ее прибытия хватит, — добавила она.

— А после?

Настоятельница поправила складку темного покрывала на плече.

— После будем смотреть на кровь, а не на слухи.

Я оценила эту фразу.

В ней было мало утешения, зато много пользы.

Сейчас Агата тоже стояла во дворе. Чуть в стороне от Сольвейнов. Без светлого шелка, без платка для слез. В простом темном одеянии храма Семигорья, с серебряной чашей для проверки крови в руках.

Она хотя бы пришла не играть.

За воротами слышался стук колес.

Двор замер.

Я не хотела смотреть.

Я смотрела.

Первая карета въехала медленно. Черная, пограничная, без украшений. За ней — две всадницы из стражи, потом закрытая белая карета с серебряным гербом Сольвейнов на дверце. Герб был свежий, яркий, слишком чистый для дороги с севера. Значит, карету сменили перед въездом в столицу.

Правильно.

Чудо должно выглядеть как чудо, а не как грязная дорога, кровь на бинтах и лихорадка.

Карета остановилась.

Леди Аурика подняла платок к губам.

Эйран сделал шаг вперед.

Дверца открылась.

Сначала я увидела руку.

Тонкую, бледную, в серой перчатке. Пальцы дрожали, когда коснулись руки стражника. Потом из кареты медленно вышла женщина.

Виверна Сольвейн.

Если это действительно была она.

Ее поддерживали с двух сторон. На плечах — серебряный плащ, подбитый белым мехом. Волосы, почти белые, были заплетены небрежно, как у больной, но несколько прядей слишком красиво выбились у лица. Кожа светлая до прозрачности. Глаза отсюда я не видела, только темные тени под ними.

Она выглядела слабой.

И безупречно поставленной.

Эта мысль пришла мне первой, и я почти устыдилась ее. Почти. Потому что после трех лет во дворце я знала: слабость тоже можно подать так, чтобы она стала властью.

Виверна подняла голову.

Ее взгляд нашел Эйрана сразу.

Не леди Аурику. Не храмовую чашу Агаты. Не герб дома, в который ее привезли.

Его.

Даже сверху я увидела, как он изменился.

Не резко. Эйран Тальгард не делал резких движений перед людьми, если только не нужно было убивать. Но плечи у него стали неподвижнее, а правая рука, висевшая вдоль тела, сжалась в кулак.

Виверна сделала шаг.

Пошатнулась.

Эйран успел подойти раньше стражника.

Он не обнял ее. Только поддержал за локоть. Достоинно, сдержанно, при свидетелях. Но весь двор увидел: его рука оказалась там, где раньше была рука другого человека.

Моя.

Браслет на запястье вдруг нагрелся.

Не сильно. Но достаточно, чтобы я сжала пальцы.

Марта заметила.

— Госпожа?

— Ничего.

Внизу Виверна что-то сказала. Я не услышала слов, но увидела, как леди Аурика закрыла лицо платком и заплакала по-настоящему или достаточно убедительно, чтобы разницы не было.

Эйран наклонился к Виверне.

Я отвернулась от окна.

— Нужно идти, — сказала я.

Марта посмотрела на меня так, будто хотела предложить остаться.

Не предложила.

Она знала: если я не спущусь сейчас, к вечеру двор скажет, что жена канцлера испугалась. Если спущусь — скажет, что пришла смотреть на соперницу.

Двор всегда выигрывает, если играть по его правилам.

Но иногда важно хотя бы выбрать, как именно проигрывать.

Я вышла в коридор.

На лестнице пахло мокрым камнем, свечным воском и цветами. Не лилиями, к счастью. Кто-то догадался поставить в нижней галерее ветви зимней розы. Их терпкий запах немного прояснил голову.

У входа в южное крыло уже собирались люди, которым там не место. Две дамы из Сольвейнов, государев наблюдатель, секретарь Лайс, управляющий, лекарь с бледным лицом и дрожащей сумкой в руках. Все делали вид, что находятся здесь по делу.

Я остановилась на верхней ступени.

— Южное крыло закрыто до окончания первичного осмотра, — сказала я. — Остаются лекарь, настоятельница Шаэль, леди Аурика и его светлость. Остальные — в галерею.

Одна из дам Сольвейн возмущенно подняла подбородок.

— Госпожа канцлерина, мы родня Виверны.

— Именно поэтому вам стоит позаботиться о ее покое, а не о своем любопытстве.

Она покраснела.

Управляющий сделал шаг ко мне.

— Госпожа, возможно, его светлость...

— Его светлость утвердил порядок приема вчера, — перебила я. — Желаете уточнить при нем сейчас, пока больная женщина стоит под дождем?

Управляющий поклонился.

— Нет, госпожа.

Люди начали нехотя расходиться.

Вот это я умела. Не заставить любить. Не заставить уважать. Но заставить порядок работать, пока остальные плачут, смотрят и оценивают, как выгоднее стоять.

Эйран вошел в галерею вместе с Виверной.

Теперь я увидела ее лицо близко.

Она была красивой.

Не просто красивой — той редкой придворной красотой, которую люди охотно принимают за знак избранности. Се-

ребристо-белые волосы, правильные черты, губы без яркой краски, но с естественным цветом, будто даже плен не посмел стереть с нее достоинство. Голубые глаза казались светлыми до прозрачности.

И усталыми.

Это тоже было настоящим.

Я не могла отрицать: она пережила что-то тяжелое. На шее, у самой линии воротника, виднелся тонкий шрам. На руках — следы старых веревок или браслетов. Она была худее, чем на портретах, которые я однажды видела в запертой восточной комнате.

Но когда ее взгляд встретился с моим, усталость в нем не исчезла.

Просто под ней появилось другое.

Узнавание.

Не меня. Моего места.

Эйран остановился.

— Сэйра.

Виверна медленно перевела взгляд с него на меня.

— Госпожа Тальгард, — сказала она.

Голос был тихим, чуть хриплым. После долгой дороги или долгого молчания.

Я присела в неглубоком реверансе.

— Госпожа Сольвейн. Добро пожаловать в Лирассен.

Она улыбнулась.

Слабо.

Очень красиво.

— В Лирассен, — повторила она. — Не домой?

Леди Аурика тихо всхлипнула за ее спиной.

Эйран напрягся.

Я выдержала паузу.

— После дороги вам прежде всего нужен отдых. О доме поговорим, когда лекарь разрешит.

Виверна посмотрела на меня чуть внимательнее. Теперь я увидела ее глаза полностью. Голубые, ясные, но у зрачка — едва заметный темный ободок. Возможно, от болезни. Возможно, от истощения.

Пепельное пламя под моей кожей дернулось.

Не болью.

Тревогой.

— Вы очень предусмотрительны, — сказала она. — Мне говорили.

Мне говорили.

Кто?

На границе? В карете? Леди Аурика? Драммонт?

— В этом доме предусмотрительность часто заменяет покой, — ответила я.

Эйран бросил на меня короткий взгляд.

Виверна сделала шаг, но ноги у нее подкосились. Эйран снова поддержал ее. Его пальцы легли на ее локоть.

Браслет на моей руке нагрелся сильнее.

Агата, стоявшая у двери южных покоев, заметила это сра-

зу.

— Госпожу Сольвейн нужно уложить, — сказала она. —
Разговоры потом.

Я отступила в сторону.

Виверна прошла мимо меня.

На мгновение наши рукава почти коснулись друг друга.

И пепельное пламя внутри меня поднялось так резко, что
я едва не сделала шаг назад.

От нее пахло не только дождем, дорожной пылью и лекар-
ственными травами.

Черной клятвой.

Не сильной. Не открытой. Но знакомой по северной баш-
не: сухой горечью, горелым маслом, старой кровью в закры-
том сосуде.

Я подняла глаза.

Виверна уже смотрела на меня.

И улыбалась.

Еле заметно.

Так, что никто, кроме меня, не увидел бы в этой улыбке
ничего, кроме усталой благодарности.

— Простите, — сказала она тихо. — Я еще не привыкла
быть среди людей.

— Конечно.

Она наклонилась ближе, будто пошатнулась и искала опо-
ру. Но ее голос стал ниже, почти неслышным:

— Наверное, было трудно жить в комнатах, которые гото-

вили для меня.

Вот и все.

Без свидетелей.

Без грубости.

Слова вошли под кожу холоднее дождя.

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Труднее было сделать так, чтобы эти комнаты не развалились вместе с остальным домом.

Ее улыбка не исчезла.

Но в глазах что-то дрогнуло.

Эйран, стоявший рядом, не услышал. Или сделал вид, что не услышал. Я уже не знала, что хуже.

Агата открыла дверь.

Виверну увели в южные покои.

Я осталась в галерее.

Леди Аурика подошла ко мне, все еще прижимая платок к груди.

— Она так изменилась, бедная девочка. Но глаза... те же глаза. Вы видели, Сэйра? Те же.

Я посмотрела на закрытую дверь.

— Видела.

И темный ободок у зрачка тоже.

Эйран стоял рядом. Мокрые волосы у виска, капля дождя на воротнике, лицо собранное до опасной неподвижности.

— Ты почувствовала что-то, — сказал он.

Не вопрос.

Я посмотрела на него.

— Да.

— Что?

Леди Аурика сразу насторожилась.

— Эйран, девочка только приехала. Неужели сейчас нужно...

Он не отвел от меня взгляда.

— Что ты почувствовала, Сэйра?

Я могла сказать при всех. Могла прямо сейчас произнести: в ее крови черная клятва.

И тут же стать женщиной, которая увидела угрозу в вернувшейся невесте мужа.

Орис Драммонт даже не нужен был бы для обвинения. Двор сам сделал бы работу. Ревность. Страх потерять положение. Боль запасной жены. Все слова уже лежали наготове, как чистые ножи на подносе.

— Ослабление, — сказала я. — От брачной печати. Ее кровь реагирует на ваш контур.

Агата, к счастью, услышала и не возразила.

Эйран сжал челюсть.

— Опасно?

— Пока не знаю.

Это была правда. Неполная, но правда.

— После осмотра поговорим, — сказала Агата.

Леди Аурика выдохнула.

— Разумеется, любая встреча после стольких лет вызыва-

ет отклик. Это естественно.

Естественно.

Я почти устала от того, сколько страшных вещей при дворе называли естественными.

В южных покоях осмотр длился долго.

Я не присутствовала. Агата настояла, что рядом должны быть только лекарь, леди Аурика и представитель храма. Эйран остался в соседней комнате. Я — в галерее, потому что формально отвечала за порядок в крыле.

На деле я не хотела уходить.

Не из ревности. Или не только из нее.

Браслет то остывал, то снова становился теплым. Пепельное пламя под кожей словно прислушивалось к чему-то за стеной. Не к словам. К крови.

Я сидела на узкой скамье под окном и проверяла список расходов, который не читала.

Марта стояла неподалеку.

— Вы бледная, госпожа.

— Сегодня все бледные. Это часть торжества.

— Не смешно.

— Я и не смеялась.

Она подошла ближе, понизила голос:

— Что с ней?

Я посмотрела на дверь.

— Не знаю. Но с ней что-то есть.

— Скверна?

— Возможно. Или чужая клятва. Или последствия плена.
Или все вместе.

— Его светлость вам поверит?

Хороший вопрос.

Три года назад я ответила бы: конечно.

Два года назад: если доказать.

Год назад: если это будет удобно.

Сейчас я сказала:

— Не знаю.

Марта кивнула так, будто именно этого ответа и ждала.

Дверь открылась почти через час.

Сначала вышла леди Аурика. Лицо ее было уставшим и довольным одновременно, как у человека, который получил трагедию в правильной упаковке.

За ней — лекарь. Он вытирал руки белой тканью и выглядел растерянным.

Агата вышла последней.

Ее лицо мне не понравилось.

Эйран поднялся из кресла в соседней комнате.

— Ну?

Лекарь поклонился.

— Госпожа Сольвейн истощена, но угрозы жизни нет. Следы старых ран, нарушение сна, слабость после долгой дороги. Ей нужен покой, легкая пища и укрепляющие настои.

— Кровь? — спросил Эйран.

Лекарь посмотрел на Агату.

Та ответила:

— Кровь принадлежит роду Сольвейн.

Леди Аурика закрыла глаза, будто благодарила богов.

— Я знала.

Я продолжала смотреть на Агату.

— Но? — спросила я.

Она встретилась со мной взглядом.

— Но полная проверка займет время.

Леди Аурика сразу открыла глаза.

— Зачем? Вы только что сказали...

— Я сказала, что кровь принадлежит роду Сольвейн. Это подтверждает происхождение. Не все остальное.

— Что значит “не все остальное”?

Агата посмотрела на Эйрана.

— Есть следы внешнего вмешательства. Старые. Глубокие. Их нужно отделить от последствий плена.

В галерее стало тесно от молчания.

Эйран спросил:

— Вмешательство какого рода?

— Клятвенное. Возможно, принудительное.

Леди Аурика прижала платок к губам.

— Ее заставили? Бедное дитя...

Я не сказала ничего.

Потому что принудительная клятва могла сделать Виверну жертвой.

А могла сделать оружием.

Иногда это было одно и то же.

Эйран повернулся ко мне.

— Ты это почувствовала?

— Да.

— Почему не сказала?

Вот сейчас боль стала горячей.

Я медленно поднялась.

— При леди Аурике, Сольвейнах, стражниках, слугах и женщине, которая только что назвала мои комнаты своими? Как думаете, Эйран, что именно услышал бы двор: предупреждение или ревность?

Он понял.

Не сразу. Но понял.

Леди Аурика резко сказала:

— Моя племянница едва стоит на ногах, а вы уже говорите о ней так, будто она враг.

Я повернулась к ней.

— Я говорю о клятве в ее крови. Если вы любите племянницу, вас это должно волновать больше, чем тон моего голоса.

Ее щеки вспыхнули.

— Вы забываетесь.

— Нет, леди Аурика. Я как раз наконец вспоминаю, где стою.

Эйран тихо произнес:

— Достаточно.

Я посмотрела на него.

И, наверное, он увидел в моем лице что-то такое, что не стал добавлять, кому именно достаточно.

Агата вмешалась раньше, чем разговор стал необратимым:

— Госпоже Сольвейн нужен покой. Всем. Без исключения. Сегодня к ней никто не входит, кроме лекаря и меня.

— Я останусь, — сказала леди Аурика.

— Вы тоже входите в “всем”, — ответила Агата.

Я почти полюбила эту женщину.

Почти.

Леди Аурика была возмущена, но спорить с храмом Семигорья при Эйране не рискнула. Когда ее увели, лекарь ушел готовить настои, слуги разошлись, в галерее остались только мы трое: я, Эйран и Агата.

За дверью южных покоев тихо скрипнула половица. Наверное, служанка ставила воду. Обычный звук. Никаких знаков. Никакой мистики. Просто женщина за стеной, чье возвращение уже развернуло мой брак лицом к той правде, которую все избегали.

Агата сказала:

— Нужно поговорить в архивном кабинете. Сейчас.

Эйран кивнул.

— Идем.

Я не двинулась.

Он остановился.

— Сэйра?

— Нет.

Оба посмотрели на меня.

Я сама удивилась, как спокойно прозвучал мой голос.

— Я не пойду в архивный кабинет, где Драммонт хранит половину ключей. Если речь о моей печати и ее крови, разговор будет в храмовой комнате. Там, где ваши архивные люди не меняют листы местами.

Агата чуть приподняла бровь.

— Разумно.

Эйран снова посмотрел на меня. В его глазах было что-то трудное: раздражение, усталость, вина и еще незнакомое уважение, которому он, кажется, сам не доверял.

— Хорошо, — сказал он. — В храмовой комнате.

Мы пошли туда молча.

Храмовая комната находилась в старой части дворца, возле малого зала обрядов. Ее использовали редко: для семейных клятв, рождения наследников, подтверждения родовых печатей. После моей свадьбы я заходила туда только дважды. Оба раза — по ночам, когда у Эйрана приступы были слишком сильными, и обычной башенной чаши не хватало.

Комната была небольшая. Черный алтарный стол, три чаши с ровным огнем, шкаф с храмовыми книгами, узкое окно на внутренний двор. Здесь не было роскоши. И это успокаивало.

Агата закрыла дверь и поставила печать тишины.

Простую. Видимую. Серебряная нить прошла по косяку, замкнулась на ручке. Я увидела, как она сработала, и только тогда села.

Эйран остался стоять.

— Что с Виверной? — спросил он.

Агата сложила руки на столе.

— Ее кровь действительно из рода Сольвейн. Вероятность подмены мала. Но в крови есть клятва, которую она не могла заключить полностью добровольно.

— Что за клятва?

— Черная. Не в смысле “злая” для красивого слова, а запрещенная по закону Семигорья. Такая клятва привязывает человека к чужой воле через боль, страх или долг. Она не управляет каждым шагом, но может направлять решения, усиливать нужные чувства, глушить память.

Я вспомнила темный ободок у ее зрачка.

— Она знает?

— Частично, возможно. Или чувствует, но не понимает.

Эйран сжал пальцы на спинке стула.

— Ее можно снять?

— Сначала нужно понять, кто поставил.

Я сказала:

— И зачем вернул ее именно сейчас.

Эйран повернулся ко мне.

— Ты думаешь, это связано с башнями.

— Я думаю, в этом доме слишком много совпадений, ко-

которые носят печать Драммонта.

Агата не возразила.

Эйран заметил.

— Вы тоже подозреваете Ориса?

— Я подозреваю документы, которые он вел, — сказала Агата. — Люди часто выдают себя тем, что считают неважным для других.

— Например?

Она достала из внутреннего кармана сложенный лист и положила на стол.

— Ваша помолвочная печать с Виверной Сольвейн не была закрыта после ее исчезновения. По архивным правилам это нарушение. Через год после исчезновения ее должны были либо признать мертвой официально, либо заморозить контур. Ничего из этого не сделали.

Эйран стал совсем неподвижным.

— Кто отвечал за закрытие?

Агата посмотрела на меня.

Я уже знала ответ.

— Орис Драммонт, — сказала она.

Тишина.

В чашах горел огонь. Ровный, обычный, не желающий становиться удобным символом. Просто огонь.

— Почему мне не сообщили? — спросил Эйран.

Агата ответила без жалости:

— Потому что вы не спросили.

Он резко поднял взгляд.

— Я считал ее погибшей.

— Считать — не значит оформить. Особенно для канцлера, который знает цену каждой печати в империи.

Это был удар точный и заслуженный.

Я не почувствовала удовольствия. Только странную усталость. Как будто кто-то вслух назвал то, что я давно знала: Эйран был внимателен ко всему, кроме того, что причиняло боль рядом с ним.

Он медленно сел.

— Значит, мой брак с Сэйрой...

— Был законен, — перебила Агата. — Но наложен на неочищенный контур. Поэтому ее дар стал замещающим источником не только для родовой печати Тальгардов, но и для пустоты, оставленной Сольвейн.

Я посмотрела на свои руки.

Вот почему я всегда чувствовала себя не женой, а заплатой.

Потому что магия знала то, что люди прикрывали этикетом.

— Что будет, когда Виверна полностью войдет в контур? — спросила я.

Агата молчала.

— Говорите.

— Печать может попытаться вернуть прежнюю структуру.

— То есть вытолкнуть меня.

— Да.

Слово было коротким.

Да.

Не “возможно”. Не “будем надеяться”. Да.

Эйран поднялся так резко, что стул скрипнул по камню.

— Этого не будет.

Я посмотрела на него.

— Сколько раз вы сегодня это скажете?

Он остановился.

— Пока это не станет правдой.

— Правда не появляется от повторения.

— Тогда от поступков.

Я не ответила.

Потому что не знала, что с этим делать.

Он звучал иначе. Не как вчера. Не как утром. Но доверие не возвращается на звук голоса. Оно вообще не возвращается быстро, если его годами тратили по мелочи, даже не замечая.

Агата сложила лист.

— До полной проверки Виверна не должна приближаться к центральной печати, к брачной чаше и к северной башне. Сэйра не должна оставаться с ней наедине.

— Почему? — спросил Эйран.

— Потому что их контуры уже реагируют друг на друга. И потому что мы не знаем, сколько воли самой Виверны в ее действиях.

Я вспомнила ее шепот.

Наверное, было трудно жить в комнатах, которые готовили для меня.

Воли там хватало.

Клятва могла направлять. Но яд в словах был ее собственным.

— Она попросит увидеть восточные покои, — сказала я.

Эйран посмотрел на меня.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что уже назвала их своими.

Его лицо потемнело.

— Когда?

Я устала объяснять очевидное.

— Пока вы держали ее за руку.

Эйран ничего не сказал.

Агата посмотрела между нами и поднялась.

— Я оставлю вас на несколько минут. Печать тишины продержится. Не дольше десяти минут.

— Настоятельница, — начала я.

— Иногда разговоры нужно проводить до того, как они превращаются в решения совета, — сухо сказала она и вышла.

Дверь закрылась.

Мы остались вдвоем.

Слишком много таких мгновений в моем браке проходило именно так: дверь закрывается, мы одни, и вместо близости

между нами лежит очередной документ, печать или чужое имя.

Эйран стоял у алтарного стола. Огонь из чаш отражался в его глазах, делая серо-золотой цвет почти хищным.

— Я не знал, что контур не закрыт, — сказал он.

Я посмотрела на него.

— Я верю.

Он будто не ожидал.

— Но это ничего не меняет, — добавила я.

Его плечи стали жестче.

— Меняет. Если я не знал, значит...

— Значит, вы не лгали мне специально. Да. Это лучше, чем если бы лгали. Но меня использовали все равно. Мое платье шили для другой. Мою печать положили поверх другой. Мой дар записали как замену. А вы три года называли это браком и не задавали вопросов, потому что так было удобно.

Он принял каждое слово молча.

Не перебил.

Раньше перебил бы. Сказал бы о долге, срочности, угрозе государству. Сейчас молчал.

Я продолжила:

— Вы знаете, что самое страшное? Не Виверна. Не леди Аурика. Даже не Драммонт. Самое страшное, Эйран, что я почти привыкла. К лилиям в моей комнате. К тому, что меня сравнивают с мертвой невестой. К тому, что люди говорят

“временная мера” и смотрят, не дрогну ли я. Я почти решила, что если буду достаточно полезной, однажды это станет моим местом.

Голос все-таки сорвался на последней фразе.

Я ненавидела это.

Эйран сделал шаг ко мне, но остановился.

Не коснулся.

Хорошо.

— Сэйра, — сказал он тихо. — Ты не временная мера.

Я усмехнулась.

— Это нужно было сказать вчера. На совете. При Драммонте.

Он побледнел.

Да. Попала.

— Ты права.

Эти два слова были такими непривычными в его устах, что я не сразу нашла, что ответить.

Он продолжил:

— Я должен был остановить его. Должен был сказать это вслух. Не тебе потом. Им.

Я смотрела на него и не могла понять, почему от этого стало не легче, а больнее.

Наверное, потому что я слишком долго ждала именно такого признания.

И получила его в день, когда женщина из его прошлого спала в южных покоях, а моя брачная печать пыталась ре-

шить, имею ли я право оставаться в собственной жизни.

— Да, — сказала я. — Должны были.

Он кивнул.

Не споря.

Не защищаясь.

— Я исправлю.

— Не обещайте то, чего еще не умеете.

— Тогда я начну учиться.

Я отвернулась к окну.

На внутреннем дворе дождь почти закончился. По черным плитам стекала вода. Стражник у ворот поправлял мокрый плащ. Все было слишком обычным для дня, когда моя жизнь треснула еще глубже.

— Она красива, — сказала я.

Эйран молчал.

— Виверна. Она красива. И выглядит так, будто даже страдание сделало ее более подходящей этому дому.

— Сэйра...

— Нет, это не просьба утешить. Просто факт.

— Ее красота не имеет отношения к твоему месту.

Я почти улыбнулась.

— Вы правда не понимаете двор, когда дело касается женщин.

— Возможно.

— Не возможно. Точно.

На этот раз в его лице мелькнуло что-то почти живое.

Усталое, горькое.

— Тогда объясни.

Я посмотрела на него.

— Двору не нужно, чтобы Виверна была права. Достаточно, чтобы она выглядела правильной. Родовитая, светлая, возвращенная из плена, прежняя невеста канцлера. А я? Бедный род, тихий дар, платье после нее, три года у вашего кресла и ни одного ребенка, которого совет мог бы назвать оправданием моего места.

Он резко сказал:

— Никто не имеет права...

— Все уже имеют. Просто не при вас.

Он замолчал.

Я подошла к столу, взяла свой лист с пометками, который Агата оставила рядом с брачной записью. Рука дрожала, и я спрятала ее в складках платья.

— Мне нужно работать.

— Сейчас?

— Да. Пока я работаю, я хотя бы знаю, зачем нахожусь в этом доме.

— А если я попрошу тебя отдохнуть?

Я посмотрела на него.

— Тогда впервые за три года я откажусь от вашей просьбы.

Он кивнул.

— Хорошо.

Просто хорошо.

Я вышла первой.

В коридоре уже ждали новости.

Не официальные, конечно. Официальные пишут позже, когда слухи уже сделали основную работу.

Слуги говорили тише обычного. Дамы в галереях останавливались, едва завидев меня. Кто-то слишком быстро склонял голову. Кто-то смотрел с жадным сочувствием, будто хотел увидеть на моем лице следы краха.

В восточном крыле у дверей моих покоев стояла Лисса.

Сестра приехала без предупреждения.

Она была в нежно-зеленом платье, которое ей очень шло. Светлые волосы уложены мягкими волнами, лицо тревожное. Лисса всегда выглядела так, будто мир был чуть слишком груб для нее. Может, поэтому отец берег ее и отправлял меня туда, где нужно было выдерживать.

— Сэйра, — она шагнула ко мне и взяла за руки. — Я только узнала.

Ее пальцы были теплыми.

Я осторожно высвободила правую руку, чтобы она не нажала на ожог.

— Кто прислал тебя?

Лисса моргнула.

— Никто. Я сама.

— Правда?

Она отвела глаза.

Вот и ответ.

— Отец подумал, что тебе может понадобится семья.

— Отец подумал, что дому Лиорданов нужно узнать, насколько шатким стало мое положение.

Она вздрогнула.

— Не говори так.

— Как?

— Так холодно.

Я устала.

Не от нее одной. От всего дня. Но с Лиссой усталость всегда становилась старой: детской, знакомой, пахнувшей не дворцом, а нашим бедным домом, где мне говорили уступить, потерпеть, понять, не расстраивать отца, не завидовать сестре, не требовать слишком много.

— Проходи, — сказала я.

В покоях больше не было лилий. Нелла действительно принесла розмарин и ветку ясеня. Они стояли в простой керамической вазе на столе и выглядели почти бедно среди темного золота Тальгардов.

Мне понравилось.

Лисса заметила.

— Ты сменила цветы.

— Да.

— А раньше были лилии?

— Три года.

Она села на край кресла.

— Сэйра, я не знала.

Я закрыла дверь.

— Сегодня все почему-то не знали.

Она покраснела.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Знаю.

Это было правдой. Лисса редко хотела обидеть. В этом и была трудность. Ее мягкость часто причиняла боль именно потому, что не считала себя виноватой.

— Виверна правда вернулась? — спросила она.

— Да.

— И она... настоящая?

— Кровь Сольвейн подтверждена.

Лисса прижала ладони к губам.

— Боги. Что теперь будет?

Я посмотрела на нее.

— Со мной или с родом Лиордан?

Она заплакала.

Сразу. Тихо. Красиво, как в детстве, когда разбивала мою чашку, а прощения просила так, что утешать приходилось ее.

Раньше я бы села рядом.

Сейчас осталась стоять.

— Это несправедливо, — сказала она сквозь слезы. — Ты столько сделала для них.

— Для них все, что я сделала, было частью договора.

— Но Эйран... он ведь не позволит просто убрать тебя?

Я вспомнила его руку на локте Виверны. Его голос: “Я не позволю”. Его молчание на совете. Его позднее “ты права”.

— Не знаю.

Лисса подняла на меня испуганные глаза.

— Если брак расторгнут...

— Он еще не расторгнут.

— Но если...

— Что?

Она замялась.

И этим выдала все.

— Отец боится, что выплаты дому прекратятся, — сказала я за нее.

— Сэйра...

— Ясно.

— Нет, подожди. Он переживает за тебя тоже.

Я села напротив нее.

— Лисса, когда меня выдавали за Эйрана, отец сказал, что я спасу наш дом. Не что буду счастлива. Не что он рядом. Наш дом. Теперь дом снова считает убытки. Давай хотя бы не будем украшать это заботой.

Она закрыла лицо руками.

— Я виновата?

Вопрос был тихим.

И впервые без привычной мягкой защиты.

Я не ответила сразу.

В детстве я ненавидела ее за то, что ей доставалось луч-

шее. Потом перестала. Ненависть требует сил, а у младших дочерей есть дела. Но где-то глубоко внутри все равно жила девочка, которая смотрела, как Лиссе покупают новые ленты, а ей перешивают старые. Как Лиссу берегут от неприятных гостей, а ее отправляют наливать чай. Как Лиссе говорят “ты нежная”, а ей — “ты сильная, потерпишь”.

— Не одна ты, — сказала я наконец.

Она опустила руки.

— Я не знала, что тебе так плохо.

— Я тоже долго не знала. Думала, это называется долг.

Лисса плакала уже некрасиво. С красным носом, мокрыми щеками, без придворной изящности. И почему-то именно тогда я смогла подать ей платок.

— Что я могу сделать? — спросила она.

Раньше я сказала бы: ничего.

Теперь подумала.

— Напиши отцу. Пусть пришлет мне копию брачного соглашения, которое он подписал три года назад.

Лисса побледнела.

— У тебя его нет?

— У меня есть версия дома Тальгардов. Мне нужна версия Лиорданов.

— Думаешь, они отличаются?

— Я думаю, что в этой истории слишком много людей не знали того, что было написано мелким почерком.

Она кивнула.

— Я напишу.

— Сегодня.

— Да.

За дверью послышались шаги. Потом осторожный стук.

— Госпожа? — голос Неллы. — Его светлость просит вас спуститься к ужину. Госпожа Сольвейн будет присутствовать в малой столовой.

Лисса резко посмотрела на меня.

— Уже?

Уже.

Конечно.

Если Виверна способна сидеть за столом в день приезда, значит, либо она сильнее, чем кажется, либо кто-то очень хочет показать двору чудо возвращения немедленно.

Я встала.

— Передай, что я приду.

Нелла ушла.

Лисса поднялась следом.

— Ты не обязана.

Я посмотрела на нее, и она сама поняла, насколько глупо это прозвучало.

— Прости.

— Ничего.

Я подошла к зеркалу.

День вытянул из меня больше, чем ночной обряд. Лицо было бледным, под глазами тени, на губах почти нет цвета.

Зато волосы держались, платье сидело ровно, рукав скрывал браслет и ожоги.

Запасная жена драконьего канцлера была готова к ужину с настоящей невестой.

Лисса тихо сказала:

— Сэйра.

— Да?

— Ты выглядишь... очень достойно.

Я встретила ее взгляд в зеркале.

— Иногда достоинство — это все, что остается, когда у тебя забирают остальное.

Малая столовая была освещена мягче обычного. Кто-то распорядился поставить меньше свечей, чтобы не утомлять Виверну. На столе — легкие блюда, серебро, тонкий фарфор, бокалы с водой и травяным настоем вместо вина. Присутствовали Эйран, Виверна, леди Аурика, я, Лисса, Тавин, Агата и государев наблюдатель.

Почти семейный ужин.

Если не считать, что половина присутствующих мысленно измеряла расстояние между моим креслом и креслом Виверны.

Она сидела справа от Эйрана.

Не на моем месте. Мое было слева. Формально все соблюдено.

Но раньше справа от него никто не сидел.

Виверна была уже без дорожного плаща. На ней бы-

ло простое светлое платье, которое, я уверена, выбрала не она: слишком скромное, слишком больничное. Но даже оно смотрелось на ней так, будто весь стол создан вокруг ее бледности.

Когда я вошла, она поднялась.

— Госпожа Тальгард.

— Пожалуйста, сидите. Вам нужен покой.

Она слегка улыбнулась.

— Вы заботитесь обо мне?

Я села.

— О порядке в доме.

Тавин кашлянул в кулак.

Эйран бросил на него предупреждающий взгляд.

Ужин начался.

Виверна ела мало, но говорила достаточно. Не о плене. Не сразу. Она отвечала на вопросы леди Аурики, вспоминала детство, называла старых слуг по именам. Несколько имен были верными. Несколько — нет.

Я заметила.

Эйран, кажется, тоже.

Когда подали настой, Виверна осторожно обхватила чашку ладонями.

— Я боялась, что дворец изменится, — сказала она. — Но многое осталось прежним.

Леди Аурика просияла сквозь слезы.

— Мы хранили память.

Виверна посмотрела на Эйрана.

— Все эти годы?

Он ответил не сразу.

— Мы считали тебя погибшей.

— Но не забыли.

Это было сказано мягко.

И при всех.

Эйран поставил чашу на стол.

— Некоторые вещи не забываются.

Лисса под столом сжала мои пальцы.

Я мягко убрала руку.

Не потому что мне не нужна была поддержка. Потому что не хотела, чтобы кто-то увидел.

Виверна перевела взгляд на меня.

— Вам, наверное, было тяжело.

Стол затих.

Вот оно.

— Что именно? — спросила я.

— Жить рядом с человеком, который потерял другую.

Если бы она ударила меня по лицу, это было бы честнее.

Леди Аурика тихо сказала:

— Виверна, дитя...

Но не остановила.

Эйран открыл рот, но я опередила.

— Иногда тяжелее жить рядом с людьми, которые уверены, что имеют право решать, чья боль важнее.

Виверна чуть наклонила голову.

— Я не хотела вас ранить.

— Конечно.

У нас у обеих получалось говорить вежливо.

И обе понимали, что делаем.

Тавин вдруг положил вилку на стол.

— Как вы добрались до границы, госпожа Сольвейн?

Виверна повернулась к нему.

— Простите?

— Вы были в плену три года. Потом оказались на северной дороге с перстнем и лентой. Кто вас вывел?

Леди Аурика возмущенно поднялась почти на полвершка.

— Лорд Тальгард!

— Мне интересно, — спокойно сказал Тавин. — Я команду пограничным крылом. Если кто-то умеет незаметно провести пленницу через северные заставы, я хочу знать кто.

Виверна опустила взгляд в чашу.

Руки у нее дрожали.

Настоящая дрожь или сыгранная — не поняла.

— Я не все помню.

Агата внимательно смотрела на нее.

Эйран тихо сказал:

— Не нужно сейчас.

Тавин откинулся на спинку стула.

— Конечно. Сейчас не нужно. Потом тоже будет неудобно. Так обычно и выходит.

Я впервые за день была благодарна ему без оговорок.

Виверна подняла глаза на Эйрана.

— Я помню темную комнату. Холод. Людей без лиц. Они говорили, что меня все забыли. Что мое место занято. Что если я вернусь, мне некуда будет идти.

Слова дрожали.

И били точно.

Она не смотрела на меня. Не нужно было.

Леди Аурика плакала открыто. Лисса смотрела в тарелку. Государев наблюдатель запоминал каждую фразу. Агата не сводила глаз с рук Виверны. Тавин был мрачен. Эйран...

Эйран смотрел на Виверну так, как я не видела его смотрящим ни на кого.

Не с любовью, нет.

С виной.

И это было хуже.

Любовь можно пережить. Вина сильнее. Вина требует искупления, и чаще всего искупают ее за счет тех, кто оказался рядом.

— Вы вернулись, — сказал он.

Виверна слабо улыбнулась.

— Да. Туда, где меня должны были ждать.

Та же фраза.

Теперь при всех.

Я поняла, что это не случайность. Это якорь. Его должны были услышать, запомнить, повторить.

Где ее должны были ждать.

А я тогда кто?

Та, кто грела место?

Виверна не сказала это вслух за ужином.

Она уже сказала раньше. Мне одной.

После ужина я вышла в галерею первой. Воздуха не хватало. Не потому что я собиралась плакать. Плакать не хотелось. Хотелось вытащить из груди что-то тяжелое и положить на камень, чтобы больше не носить.

За мной вышел Эйран.

— Сэйра.

Я остановилась у окна.

Дождь кончился. Над Лирассеном разошлись облака, и башни горели ярче обычного. Красиво. Слишком красиво.

— Я знаю, что ужин был тяжелым.

— Ужин был прекрасно организован, ваше светлость.

— Не прячься за этим.

Я повернулась к нему.

— А за чем мне прятаться? За вашей виной? За ее болью? За тем, что весь стол сегодня решал, насколько прилично мне выглядеть лишней?

Он шагнул ближе.

— Ты не лишняя.

— Тогда почему каждый день мне приходится это доказывать?

Он не ответил сразу.

Я уже ненавидела эти паузы.

— Я не знаю, как правильно вести себя с ней, — сказал он. Честно.

И поздно.

— А со мной знаете?

Он посмотрел на меня.

— Я думал, что знаю.

— Нет, Эйран. Вы знали, как удобно.

Боль мелькнула в его лице.

Я увидела. И не пожалела.

— Сегодня она сказала, что ей было некуда идти, — произнес он. — Если с ней действительно сделали то, что подготавливает Агата...

— Ей нужна помощь. Да. Лечение. Защита. Проверка крови. Право не быть инструментом чужой клятвы. Я не спорю.

— Но?

— Но ее боль не отменяет мою. И то, что ее украли из вашей жизни, не дает вашему дому права стирать меня из моей.

Он закрыл глаза.

— Я не позволю стереть тебя.

— Не говорите это мне в коридоре. Скажите им.

Я ушла прежде, чем он ответил.

В своих покоях я не стала раздеваться. Села за стол и открыла список вопросов. Добавила новый пункт.

“Почему Виверна повторяет одну и ту же фразу?”

Потом второй.

“Кто научил ее бить именно туда, где больнее?”

Я долго смотрела на чернила, пока они не высохли.

Уже глубокой ночью браслет снова нагрелся.

На этот раз не от башни.

Я встала, взяла свечу и вышла в коридор. Не знаю почему. Возможно, потому что три года привыкла идти туда, где болит, даже если боль не зовет по имени.

Восточная галерея была пуста.

Почти.

У поворота, возле старого шкафа с зимними покрывалами, стояла Виверна.

Одна.

Без служанки. Без леди Аурики. В светлой ночной накидке, с распущенными серебристыми волосами.

Она смотрела на дверь моих покоев.

Когда увидела меня, не испугалась.

— Я заблудилась, — сказала она.

Я посмотрела на ее босые ноги. На чистый подол накидки. На то, как уверенно она стояла в коридоре, где якобы была впервые после трех лет плена.

— Конечно.

Она улыбнулась.

— Вы мне не верите.

— Пока не решила.

— Вы жестче, чем я ожидала.

— А вы ожидали?

Виверна посмотрела на дверь за моей спиной.

— Мне говорили, вы тихая.

— Люди часто путают тишину с пустотой.

Ее улыбка стала чуть глубже.

— Эйран всегда ценил спокойствие.

— Тогда вам стоит вернуться в южные покои, пока он не увидел, как беспокойно вы заблудились.

Виверна медленно подошла ближе.

Браслет на моей руке обжег кожу. Храмовая нить удержала всплеск, но пепельное пламя поднялось, готовое закрыть меня изнутри.

От нее снова пахло черной клятвой.

Теперь сильнее.

— Я не пришла за вашими комнатами, Сэйра.

Мое имя в ее устах прозвучало слишком уверенно.

— Тогда зачем?

Она остановилась на расстоянии вытянутой руки.

Глаза у нее были светлые. У зрачка — темный ободок, тонкий, почти незаметный. В коридорном свете он казался чернее.

— Я пришла посмотреть на женщину, которая носит мое место так, будто оно ей подошло.

Я молчала.

Она наклонила голову.

— Оно ведь не подошло, правда?

Внутри меня стало тихо.

Опасно тихо.

— Возвращайтесь к себе, госпожа Сольвейн.

— К себе? — переспросила она мягко. — Вот в этом и вопрос.

— Нет. Вопрос в другом.

— В каком?

Я сделала шаг к ней.

— Кто вас сюда послал ночью.

На миг ее лицо изменилось.

Очень быстро. Почти незаметно.

Но изменилось.

Страх.

Не передо мной.

Перед кем-то, чье имя она не произнесла.

Потом Виверна снова стала слабой, красивой, заблудившейся.

— Я правда устала. Простите.

Она развернулась и пошла обратно в сторону южного крыла.

Я не остановила.

Только смотрела ей вслед, пока белая накидка не исчезла за поворотом.

Через несколько минут из тени у дальней арки вышел Орис Драммонт.

Он не прятался.

Нет. Такие люди никогда не прячутся. Они просто стоят там, где остальные не сразу замечают.

— Тяжелая ночь, госпожа канцлерина, — сказал он.

Я медленно повернулась к нему.

— Для прогулок по женскому крылу? Несомненно.

Он улыбнулся.

— Я шел из архивной комнаты. Услышал голоса. Решил убедиться, что все в порядке.

— Как предусмотрительно.

— В этом доме сейчас всем нужна предусмотрительность.

— Особенно тем, кто открывает старые печати.

Его улыбка не изменилась.

— Не понимаю, о чем вы.

— Уверена.

Он чуть склонил голову.

— Отдыхайте, госпожа. Ближайшие дни потребуют от вас большого достоинства.

— От меня всегда требуют достоинства, лорд Драммонт. Особенно когда собираются отнять что-то мое.

В его глазах впервые мелькнуло удовольствие.

Не злость.

Именно удовольствие.

— Ваше, госпожа?

Он произнес это так мягко, что почти никто не услышал бы угрозы.

Но я слышала.

Драммонт поклонился и ушел.

Я осталась одна в коридоре.

Браслет на руке медленно остывал.

За окнами горели семь башен.

А я наконец поняла: возвращение Виверны было не концом старой истории.

Это было началом новой.

И в ней меня собирались не просто заменить.

Меня собирались доказать лишней.

ГЛАВА 4. Комнаты, которые были не моими

Утром управляющий попросил у меня ключи от восточной гостиной.

Не главный ключ. Не от спальни. Не от кабинета, где хранились мои записи, счета дома и письма матери. Только от восточной гостиной — самой светлой комнаты в моих покоях, где окна выходили на башни, а в нише у камина стояло старое кресло с высокой спинкой.

Я сидела за столом и просматривала список лекарств для Виверны, когда господин Ройс произнес это своим ровным, вычищенным голосом:

— Госпожа канцлерина, леди Аурика просит временно предоставить восточную гостиную для дневного отдыха госпожи Сольвейн. Южное крыло кажется ей слишком прохладным.

Перо в моей руке остановилось.

Не сломалось. Не оставило кляксу. Просто замерло над строкой.

Управляющий стоял у двери, сложив руки перед собой. Его лицо, как всегда, ничего не выражало. Он был из тех людей, которые могли сообщить о пожаре и о замене занавесок одним тоном.

Я положила перо.

— Леди Аурика просит?

— Да, госпожа.

— А госпожа Сольвейн?

— Ей, разумеется, неловко беспокоить вас лично.

Разумеется.

Я посмотрела на список лекарств. Укрепляющий настой утром. Теплая вода с медом после полудня. Проверка крови в храмовой комнате до вечера. Ограничить посещения. Избегать резких запахов.

Нигде не было написано: вернуть женщине, пережившей плен, комнаты, которые три года занимала жена канцлера.

Но леди Аурика читала не лекарские рекомендации. Она читала двор.

— Господин Ройс, — сказала я, — южное крыло было выбрано из-за отдельного хода для врачей и покоя. Восточная гостиная находится в моих личных покоях.

— Именно поэтому просьба передана через меня, госпожа. Чтобы избежать неловкости.

Я почти улыбнулась.

Как много неловкости можно избежать, если отбирать чужое через слуг.

— Откажите.

Он не шелохнулся.

— Госпожа?

— Передайте леди Аурике, что восточная гостиная не

предназначена для больных. Если в южном крыле прохладно, пусть принесут дополнительные жаровни.

Ройс поклонился.

— Будет исполнено.

Но не ушел.

Я подняла бровь.

— Что-то еще?

— Его светлость просил вас после завтрака зайти в малый кабинет. По вопросу размещения госпожи Сольвейн.

Вот значит как.

Я знала этот прием. Сначала просит не тот, кто принимает решение. Если отказываешь — появляется тот, чьему отказу сопротивляться сложнее.

— Разумеется, — сказала я. — После завтрака.

Ройс поклонился еще раз и вышел.

Я осталась сидеть.

На столе пахло розмарином. Нелла действительно принесла утром свежую веточку ясеня и поставила рядом с чернильницей, как я велела. Маленькая, неровная, с влажной корой после дождя. Единственная вещь в комнате, которая не принадлежала ни Тальгардам, ни Сольвейнам.

Я коснулась ее пальцами.

Восточная гостиная.

Я не любила ее сразу. В первые месяцы после свадьбы старалась там не сидеть. Слишком много света. Слишком много белого камня. Слишком много чужого вкуса в каж-

дой детали: тонкая серебряная вязь на стенах, высокие зеркала в форме вытянутых арок, кресла с жемчужной вышивкой, светлый ковер с птицами Сольвейнов, которые портнихи, видимо, не успели заменить на драконов.

Потом я привыкла.

Сначала поставила в нише столик для писем. Потом принесла несколько книг. Потом велела убрать одно зеркало, потому что оно отражало меня так, будто я все время стояла не в своей комнате. Потом Марта тайно заменила две диванные подушки на темно-синие, и комната перестала быть совсем чужой.

Три года.

Оказывается, чтобы привыкнуть к чужому месту, нужно не так много. Нужно просто каждый день делать вид, что тебе не больно.

Я закрыла список лекарств и встала.

Завтрак проходил в малой столовой. После вчерашнего ужина я ожидала увидеть Виверну снова — бледную, светлую, слабую и прекрасно заметную. Но ее не было. За столом сидели только Эйран, Тавин, Лисса, леди Аурика и государев наблюдатель.

Отсутствие Виверны было почти таким же громким, как ее присутствие.

Леди Аурика пила чай с видом женщины, чьи страдания слишком возвышенны для обычной еды.

— Ночь была тяжелой, — сказала она после приветствий.

— Бедное дитя почти не сомкнуло глаз.

Я села на свое место.

— Лекарь сообщил о приступах?

— Не физических. Душевных.

Тавин негромко кашлянул в чашку.

Эйран посмотрел на него.

Я развернула салфетку на коленях.

— Для душевных приступов жаровни тоже помогут. Южное крыло будет теплее.

Леди Аурика отставила чашку.

— Вы уже слышали мою просьбу.

— Да.

— И отказали.

— Да.

— Сэйра, я понимаю вашу... чувствительность. Но Виверна помнит восточные комнаты. Они были приготовлены к ее свадьбе. Возможно, знакомая обстановка поможет ей восстановиться.

Я подняла глаза.

— Восточные комнаты были приготовлены к свадьбе, которая не состоялась. После этого в них три года живу я.

— Никто не просит вас покинуть все комнаты.

Как щедро.

— Только часть? — уточнила я.

Ее улыбка стала тоньше.

— Временно.

Я взяла чашку.

Чай был слишком крепким. Или у меня во рту снова стоял пепел.

Эйран молчал.

Это молчание я слышала лучше любых слов.

Лисса смотрела в тарелку, пальцы ее сжимали ложку. Тавин откровенно мрачнел. Государев наблюдатель делал вид, что завтракает, но, конечно, запоминал каждую реплику.

— Леди Аурика, — сказала я, — если настоятельница Шаэль подтвердит, что госпоже Сольвейн необходимо именно восточное крыло по лекарским причинам, я рассмотрю возможность.

— Лекарским? — она почти оскорбилась. — Разве женская память не лекарство?

— Не когда ею лечат за чужой счет.

Тишина за столом стала плотной.

Лисса подняла на меня испуганные глаза.

Леди Аурика побледнела.

— Вы говорите жестоко.

— Нет. Точно.

Эйран наконец сказал:

— Достаточно.

Я посмотрела на него.

— Кому?

Вопрос прозвучал тихо. Но ударил.

Он встретил мой взгляд. В его лице было напряжение, ко-

торое он, наверное, всю ночь удерживал под кожей. Виверна, клятва, башни, Драммонт, мой ожог, прошлая помолвка, неочищенный контур — все сразу. Я видела, что он устал.

Но я тоже устала.

И почему-то моя усталость всегда считалась менее государственной.

— После завтрака мы поговорим, — сказал он.

— Разумеется, ваше светлость.

Он ненавидел, когда я так отвечала. Теперь я знала.

Завтрак закончился быстро.

Леди Аурика ушла первой, демонстративно медленно, с таким лицом, будто я не отказала ей в гостинной, а вынесла приговор ее племяннице. Лисса задержалась у двери, хотела что-то сказать, но я едва заметно покачала головой. Не сейчас.

Тавин подошел, когда Эйран разговаривал с государевым наблюдателем.

— Ты понимаешь, что они не остановятся на гостинной?

— спросил он тихо.

— Да.

— Хочешь, я поговорю с Эйраном?

Я посмотрела на него.

— Чтобы что?

— Чтобы он перестал вести себя как...

Тавин вовремя замолчал.

— Как кто? — спросила я.

Он вздохнул.

— Как канцлер в собственном браке.

Я почти улыбнулась.

— Не надо. Если ему нужно, чтобы брат объяснил, почему нельзя отдавать мои комнаты бывшей невесте, проблема глубже, чем восточная гостиная.

Тавин сжал челюсть.

— Ты слишком спокойно это говоришь.

— Нет. Я просто не хочу кричать при слугах.

Он кивнул.

— Если понадобится помощь...

— Спасибо.

Я действительно была благодарна. Но помощь Тавина не могла решить главного. Нельзя построить свое место в доме на том, что другой мужчина попросит за тебя.

В малый кабинет Эйрана я вошла без стука. Не потому что решила нарушить правила. Потому что дверь была открыта, а он стоял у окна, будто ждал.

На столе лежала карта южного крыла и план восточных покоев.

План.

Не разговор, значит.

Решение уже начали оформлять.

Я остановилась у стола и посмотрела на линии, чертежи, аккуратные пометки: “гостиная”, “гардеробная”, “внутренний коридор”, “доступ лекаря”. Красными чернилами была

обведена восточная гостиная.

— Как предусмотрительно, — сказала я.

Эйран обернулся.

— Сэйра.

— Вы уже выбрали, какие двери в моей жизни открыть для Виверны?

Он нахмурился.

— Я ничего не выбрал. Я рассматриваю варианты.

— На плане моих покоев.

— Южное крыло действительно холодное. У нее ночью был сильный приступ.

— Лекарь подтвердил?

— Леди Аурика...

— Леди Аурика не лекарь.

Он сжал пальцы на краю стола.

— Я знаю.

— Тогда зачем мы это обсуждаем?

Эйран медленно выдохнул. Я видела, как он заставляет себя говорить спокойно.

— Потому что Виверна три года была в плену. Потому что ее клятва, возможно, поставлена против воли. Потому что любое знакомое место может помочь ей восстановить память.

— И потому что это знакомое место находится в моих покоях.

— Я не предлагаю тебе покинуть спальню.

— Как щедро.

— Не надо.

— Что не надо?

— Говорить так, будто я пришел отнять у тебя дом.

Я посмотрела на него долго.

— Эйран, этот дом никогда не был моим. В этом и дело.

Он замолчал.

За окном по внутреннему двору проходили двое стражников. Их плащи блестели после дождя. Вдалеке, на башне, драконья фигура на карнизе шевельнула крылом.

Обычное утро в доме, где женщину пытались убедить, что одну комнату можно отдать без последствий.

— Восточная гостиная останется закрытой, — сказала я.

— Если Виверне нужен свет, я распоряжусь открыть зимнюю оранжерею. Там тепло, там есть отдельный вход и достаточно места для лекарей.

— Оранжерея не связана с ее памятью.

— Зато не связана с моим унижением.

Он вздрогнул. Едва заметно.

Хорошо.

Пусть хоть одно слово дойдет без перевода на язык государственной пользы.

— Ты думаешь, я хочу унижить тебя?

— Нет. Вы хотите поступить разумно, удобно и сострадательно. Просто почему-то каждый раз разум, удобство и сострадание требуют, чтобы подвинулась я.

Он закрыл глаза.

— Ты права.

Опять.

Вчера эти слова удивили. Сегодня уже почти раздражали.

— Если права, уберите план.

Он посмотрел на стол.

Между нами лежали чертежи комнат, которые когда-то были не моими, потом стали почти моими, а теперь снова превратились в предмет обсуждения без меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.